

«ДУШЕВНО ВАША С. ПРЕГЕЛЬ»

Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым,
1938–1971 гг.

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии
П.А. Трибунского и В. Хазана*

Авторы нижепубликуемой переписки в подробном представлении не нуждаются: имена Софии Юльевны Прегель (20 декабря 1896 / 2 января 1897¹ — 1972) и Леонида Федоровича Зурова (1902–1971) достаточно хорошо известны в русской эмигрантской литературе², что, разумеется, вовсе не свидетельствует об их сколько-нибудь полной изученности³. Данная публикация рассчитана прежде всего на расширение и углубление историко-биографической базы не только как собственно житейского феномена, но и в качестве важнейшей составляющей того общего социально-культурного контекста, в котором реально существовали и С. Прегель, и Л. Зуров. Нет оснований сомневаться в том, что всякая попытка реконструкции посредством эпистолярного диалога контуров исчезнувших или исчезающих эпох приближает к более адекватному пониманию того, что принято называть «литературным бытом», без знания и детального учета которого любые, самые изоощренные исследования индивидуально-конкретных художественных миров и поэтических систем рискуют превратиться в голую абстракцию.

Данная переписка включает несколько тематических блоков, нуждающихся в некотором комментарии.

¹ См.: Государственный архив Одесской области. Ф. 39 (Одесский городской раввинат). Д. 35. Ед. хр. 79 (запись 1860). Разброс в указании разными авторами на дату рождения Прегель — между верхним и нижним порогом — немалый: 10 лет. При этом «расходящихся во мнениях» по этому поводу можно разбить на три группы: называющих аутентичный год рождения — 1897-й; «омолаживающих» Софию Юльевну сразу на семь лет — 1904-й (впервые эта попытка была предпринята в «Краткой литературной энциклопедии» ([Вайншенкер 1968, стб. 956], с которой Прегель, хотя и заочно, была знакома) и затем введена в широкий обиход); и, наконец, неведомо откуда взявшийся 1894-й; все варианты — 1894, 189, 1902-й (sic) — указаны в «Dictionary of Russian Women Writers» [Souvée 1994, p. 519] и в книге В. Батшева [Батшев 2008, с. 204]. Поскольку фигурой София Юльевна была заметной и имя ее в эмигрантоведческих штудиях повторяется многократно, нет смысла для экономии места иллюстрировать эти расхождения примерами, которым несть числа, — ограничимся лишь самим упоминанием данной несостыковки.

² Л.Ф. Зурову даже посвящены две монографии: американского исследователя Л. Брома [Brom 1973] и российских исследователей А.В. Громовой и В.Т. Захаровой [Громова, Захарова 2012].

³ А в некоторых случаях — «открытии истин», авторы которых поражают своей неосведомленностью. Так, например, в одном из биографических справочников (!) по эмиграции сказано, что «Зуров Леонид Федорович (ум. 1971), секретарь И.А. Бунина. Эмигрировал с писателем во Францию в 1920 г.» [Шмаглит 2005, с. 128], в то время как Зуров перебрался из Риги во Францию только в 1929 г., а бунинским «литературным секретарем» его можно назвать лишь в очень условном и в очень косвенном смысле.

Прежде всего следует сказать о том, что нам в точности неизвестно, когда произошло знакомство Прегель и Зурова. Предположительно его следует отнести к первой половине 1930-х гг., ближе к середине, времени, когда София Юльевна, перебравшись из Берлина в Париж⁴, начала обретать себя в кругу литераторов-эмигрантов, сосредоточенных во французской столице, и печататься в таких крупных журналах, как «Современные записки» и «Числа» (в 1935 г. в издательстве «Числа» вышел ее первый сборник стихов «Разговор с памятью»). В Leeds Russian Archive (далее — LRA) сохранился экземпляр романа Зурова «Древний путь» (Париж: Современные записки, 1934), преподнесенный автором Прегель со следующей дарственной надписью: «Дорогой Софье Юльевне Прегель дружески и сердечно. Леонид Зуров. Paris». Дата подношения отсутствует, но, скорее всего, это случилось еще в первой половине 1930-х гг., когда и произошло их знакомство.

Первое из сохранившихся писем, публикуемых ниже, написано 6 июня 1938 г. В нем Прегель выступает в привычной для себя роли благотворителя, хотя датируется оно сроками более ранними, чем об этом принято думать: обычное представление о финансовой помощи, оказываемой ею многим и разным людям, связывается с военной и послевоенной эпохой. По всему видно, что она довольно хорошо была к тому времени знакома с Зуровым и упоминаемой в письме В.Н. Буниной⁵. Поскольку об их отношениях в предвоенный период сведения фактически отсутствуют, это письмо приобретает особую ценность.

Кроме того, данное письмо заключает еще один существенный биографический нюанс: оно подписано двойной фамилией Прегель-Брейнер, указывающей на то, что к этому времени София Юльевна вторично вышла замуж (ее первым мужем, с которым она жила в Берлине и о котором мы фактически мало что знаем, был некто А.Б. Левин). Второе замужество — за Сергеем (Шарлем) Николаевичем Брейнером (Charles Breyner; 1885–1971) — произошло, стало быть, еще до начала Второй мировой войны, и в Европе, а не в США в 1942 г., как это предположила в своей магистерской диссертации Х. Махуркова-Кюнелт (H. Machourková-Kühnel), которой принадлежит первая научная попытка исследования биографии Прегель [Machourková 2010, s. 16].

Следующий этап, когда встреча Прегель с Зуровым обернулась определенным приобретением для русской литературы, было появление последнего на страницах журнала «Новоселье».

Основанный и редактируемый Прегель журнал «Новоселье» возник в Нью-Йорке, где она поселилась после бегства из оккупированного нацистами Парижа (№ 1 вышел в феврале 1942 г.), и просуществовал в течение восьми с лишним лет

⁴ Называемый в качестве ее переезда в Париж 1938 г. [Батшев 2008, с. 204] является ошибочным. Из известных нам указаний на дату переезда Прегель в Париж самой ранней является 22 сентября 1933 г. (этим днем помечена упоминающая ее запись в «Камер-фурьерском журнале» В.Ф. Ходасевича [Ходасевич 2002, с. 222]).

⁵ Отметим к слову, что имя Прегель присутствует в группе эмигрантских поэтов и писателей, подписавших 13 ноября 1933 г. поздравительную телеграмму И.А. Бунину в связи с вручением ему Нобелевской премии (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Д. 137. Л. 28).

(последние три книжки журнала — сдвоенный № 37/38 за 1948 г. и два строенных: № 39/41 за 1949 г. и 42/44 за 1950 г. — увидели свет в Париже, куда София Юльевна вернулась в апреле 1948 г.).

«Новоселье» с самого начала заняло «оборонческую» позицию, и это привело решительную границу между Прегель и той частью эмиграции, кто отличался не меньшим, нежели она, либерализмом, но в отношении к Советскому Союзу был непримирим. Прегель достаточно определенно относилась к этому размежеванию. Так, например, в письме к Н. Евреину от 17 августа 1945 г. она писала:

Что касается Зензинова, Николаевского, то я с ними не встречаюсь. Сами понимаете почему. «Новоселье» заняло позицию, которая им не по душе. А мне их — буквально отвратна.

Странно, бывшие «аристократы» стали патриотами, а «бывшие» социалисты оскандалились⁶...

Советофильские настроения журнала оттолкнули от «Новоселья» «дипишников», не разделявших политических иллюзий и патриотических амбиций журнала и его редактора. Позднее, 14 апреля 1946 г. Прегель сообщала тому же Н. Евреину:

«Новоселье» по-прежнему неприемлемо для известной части *новой* эмиграции⁷.

В Европе о «Новоселье» («единственный у нас журнал», как определил его Зуров в письме к Прегель от 18 сентября 1946 г.) узнали после войны, хотя какие-то тексты писателей, оставшихся в оккупированной Франции, теми или иными способами в журнал изредка попадали. Так, например, М. Алданов передал в «Новоселье» рассказ Бунина «Три рубля» (либо, как писала сама Прегель в письме советскому буниноведу П.Л. Вячеславу, «уступил» ей [Прегель 2000, с. 158]), напечатанный во 2-й книжке журнала за март 1942 г., или каким-то образом из Марселя, где во время войны находился Б. Божнев, были переданы его стихи «Элегия эллическая», появившиеся в 7-й книжке за сентябрь–октябрь того же 1942 г.; то же самое относится и к стихам парижанина Ю. Софиева, которые увидели свет в 8-й книжке журнала за ноябрь 1942 г.

Первый отзыв на «Новоселье» из числа писателей-эмигрантов, живших в Париже, принадлежал Ю. Терапиано (подписан Ю.Т.) и был напечатан в 1-м выпуске сборника Объединения русских писателей во Франции, вышедшем в Париже в июле 1945 г. (речь шла о двух сдвоенных номерах — 14/15 и 17/18 за 1944–1945 гг.). «Как они воспринимают события? Что думают о совершившемся в мире?» — риторически вопрошал рецензент, имея в виду авторов руководимого Прегель заокеанского журнала, возникшего вдали от мировой трагедии, потрясшей прежде всего Европу:

⁶ РГАЛИ. Ф. 982. Оп. 1. Д. 239.

⁷ Там же.

Было бы очень грустно увидеть прежний, обычный тип «зарубежных изданий»: в зависимости от средств, от сотрудников, более или менее хорошо подобранный материал: прозу, стихи, статьи о музыке, о философии, о Марселе Прусте.

— Сдвинулось ли что-либо там? — невольно задаешь себе вопрос.

Поняли ли они то, что мы здесь поняли, они, жившие все эти годы в спокойных и благополучных, сравнительно с нашими, условиях?

В смысле узко-литературном парижский обозреватель заранее готов сделать нью-йоркским редакциям должное снисхождение.

Нельзя требовать, чтобы они были в состоянии собирать такой разнообразный материал, как во время расцвета «Современных Записок» и «Чисел».

И далее следовала собственно оценка литературного уровня «Новоселья»:

Литературный уровень «Новоселья» (помня вышеприведенную оговорку), хорош. Отметим талантливые стихи С. Прегель и Т. Остроумовой, рассказы Ю. Сазоновой и Яновского, написанную с большим подъемом статью польского поэта Юлиана Тувима «Мы, польские евреи» в переводе Софии Дубновой, статьи А. Лурье, Ю. Сазоновой, Е. Извольской и друг<ое>.

<...>

Хотя судить приходится лишь по двум, сравнительно поздним, книгам журнала, ответ на интересующий нас вопрос в нем имеется.

Статьи Марка Слонима «Возвращение в Европу» и В. Сухомлина служат тому подтверждением [Терапиано 1945, с. 32].

Помимо того что «Новоселье» в годы Второй мировой войны и сразу вслед за ней заполняло естественным образом возникшую издательскую лакуну, журнал поддерживал физическое существование писателей. На значительные гонорары, конечно, рассчитывать не приходилось, но какой-то минимум, пусть выражавшийся в скромных суммах, Прегель платить старалась. Представление о размере ограниченных финансовых возможностей редактора-издателя «Новоселья» дает, например, ее письмо жившему в США писателю Г.Д. Гребенщикову (от 9 мая 1943 г.), которого она пригласила к сотрудничеству и который принял ее приглашение:

Ваше письмо меня искренно обрадовало. До сих пор не обращалась к Вам, так как не могла предложить гонорара. Теперь «Новоселье», считаясь с трудным положением, начало платить некоторым сотрудникам. Это начинание идейное и приносит огромные убытки пока. Журнал развивается, имеет больший тираж, чем остальные издания. Он завоевал себе прочное место на амер<иканском> книжном рынке.

Максимальный гонорар, который могу предложить: 75 центов до 1 дол<лара> на нашу страницу⁸.

⁸ Russian American Collection. Immigration History Research Center. University of Minnesota. The Grebenstchikoff, George and Tatiana papers. Box 34, folder 5.

Авторам, жившим в Европе, гонорары выплачивались в «натуральном» виде — продуктовыми и вещевыми посылками: это устраивало обе стороны.

Гонорар за стихи не плачу в Нью-Йорке, но Вам, как парижанину, pošлю за них посылку (в ближайшие дни). Это лучше гонорара, и мне обходится значительно дороже, —

разъясняла Прегель свою «гонорарную политику» в письме к В.Л. Корвин-Пиотровскому от 19 декабря 1945 г.⁹

Начиная с 21-й книжки (сентябрь–октябрь 1945 г.), где появился рассказ-очерк Зурова «Аушвиц», он становится постоянным автором «Новоселья», в котором были напечатаны следующие его вещи: «Петроградская ночь» (1946. № 24/25. Февр.–март. С. 3–9), «Синодик» (1946. № 26. Апр.–май. С. 85–94), «Обитель» (1946. 29/30. Окт.–нояб. С. 35–54), семь коротких прозаических миниатюр (1947. № 33/34. Апр.–май. С. 46–49), «Ванюшины волосы» (1948. № 37/38. С. 59–63), «Дворцовая площадь» (1949. № 39/41. С. 76–82) и «Русская повесть» (1950. № 42/44. С. 90–101).

Посылочная тема вполне объяснимо становится едва ли не сквозной в письмах Прегель Зурову второй половины 1940-х гг. Нет нужды объяснять, сколь актуальной для получающей стороны она являлась. Разумеется, посылки из-за океана русским писателям-эмигрантам, жившим в Европе, посылались не только в форме гонорара, но и «просто так», и не одной лишь Прегель, но именно в ее случае они приобретали ярко выраженные свойства «жизнетворческой» акции.

Заметим, что Прегель осуществляла финансовую поддержку Зурова и вне прямой связи с гонорарами или, по крайней мере, так порой пыталась ее представить. Б. Пантелеймонов в письме И. Бунину от 14 октября 1948 г. сообщал:

Был у Прегель. Она рассказывала, что накануне к ней явился Зуров с рукописью. Здесь же сидела Кодрянская. Она дала ему тысячу, он сделал изумленное лицо и говорит: «<А> П<антелеймонов> везде рассказывает, что гонораров не будет, только одной Тэффи». Она отвечает, что совершенно верно, но тысячу она ему дает как дружескую помощь¹⁰.

В письмах Прегель и Зурова появляется немало авторов-«новоселов», что, как видится публикаторам, способствует углублению представления о связях — человеческих и творческих — между теми, кого не только в идеологическом, но и в личностном плане объединял этот журнал и кто объединялся в нем, и тем самым служит дальнейшему изучению данного, в высшей степени любопытного, издательского феномена¹¹.

⁹ Beinecke Rare & Manuscript Library (Yale University). Vladimir Korvin-Piotrovskii papers. Gen MSS 598. Box 1, folder 41.

¹⁰ LRA. MS. 1066/4440.

¹¹ Изучение детища Прегель началось не сегодня — от статей злобно-ругательных (см.: [Иванов 1950]) и, напротив, выставяющих ему высокую оценку (см., например: [Андреев 1972, с. 29]), мимолетная работа, констатирующая сам факт его существования — [Терапиано 1987; 2014] — или сугубо описательные — [Юниверг 2008], до вдумчивых исследований, появившихся в недавнее время (см.: [Ermolaev 2012]).

Одна из наиболее важных в историческом плане проблем, в воронку которой так или иначе втянуты публикуемые письма, — состояние послевоенного мира и судьбы той части русской эмиграции, что была настроена просоветски или, по крайней мере, лояльно по отношению к СССР. Оба корреспондента принадлежали к «патриотическому» лагерю, хотя в течение трех десятилетий, если за точку отсчета принять начало войны Германии с Советским Союзом, проделали заметную политическую эволюцию. Война послужила решающим толчком к расколу и без того крайне неоднородной в своих идеологических симпатиях и пристрастиях русской эмигрантской колонии. Любопытную запись находим в этой связи в дневнике Я. Полонского, сделанную 7 июля 1942 г.:

Вера Николаевна Бунина сказала Любе¹², что считает, что Вера Алексеевна¹³ может на них и на Зурова в особенности (считает его большевиком) донести и поэтому поддерживает с ней (т. е. с В<ерой> А<лексеевной>) любезную переписку [Иван Бунин во Франции 1980, с. 279].

В публикуемых ниже письмах, которые охватывают протяженный временной период в 35 лет, упомянутая выше эволюционная динамика довольно хорошо просматривается. Для Прегель это был постепенный отказ от крайних просоветских настроений, которые, слившись воедино с антифашистской ненавистью, целиком и полностью владели ею в годы войны и едва ли не до середины 1950-х гг. Вернувшись из Нью-Йорка в Париж, она, как и Зуров, разделяла взгляды тех, кто с преувеличенным энтузиазмом верил, что победа над фашизмом означает неизбежные демократические перемены советского режима. В начале 1950-х гг. Прегель еще могла выказывать неудовольствие, скажем, по поводу того, что И. Чиннов (и другие «парижане») начал работать на мюнхенской радиостанции «Освобождение» (впоследствии «Свобода»). В письме к Н. Кодрянской от 26 февраля 1953 г. София Юльевна, не скрывая своего раздражения, писала:

Узнала, что Лоллий Львов (пресловутый) — большая шишка в Мюнхене, куда едет теперь Игорь Чиннов и где уже находятся Вейдле, Газданов и пр. — Как это всё скучно, противно —

Настроение у меня самое омерзительное —¹⁴

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. подобная позиция воспринималась как откровенный анахронизм, в особенности если учесть сотрудничество Прегель в журнале Народно-трудового союза «Грани», одном из самых антисоветских по-

¹² Жена Полонского Любовь Александровна (урожд. Ландау; 1893–1963).

¹³ Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, в 1-м браке Смирнова; 1878–1965), жена Б.К. Зайцева.

¹⁴ LRA. MS. 1408 (все цитируемые далее письма Прегель к Кодрянской хранятся в данном архиве, ссылки на него далее не даются).

слевоенных эмигрантских органов печати¹⁵. В тех самых «Гранях», после появления на страницах которых А.М. Ремизова — в виде собственного текста и статьи о нем, она писала Н. Кодрянской 30 сентября 1952 г.:

У А<лексея> М<ихайловича> давно не была. Он напечатал рассказ в «Гранях», там же хвалебная статья о нем. Очередная беспринципность, кот<орую> должна еще *переварить*.

Точно так же меняется отношение Прегель к газете «Русская мысль». В письме к Зурову от 9 июня 1947 г., живя тогда еще в Нью-Йорке, она называет ее «похабной газеткой» и добавляет: «Рядом с ней даже “покойное ‘Возрождение’ ” кажется *оазисом*», а во второй половине 1950-х гг. «Русская мысль» и ее редактор С.А. Водов становятся «своими». Не склонная ни к одному из журналистских жанров, София Юльевна на страницах «Русской мысли» как автор не появлялась, но зато она делается постоянным участником проходивших в ней «сред» — творческих собраний и посиделок, которые не только отражали политический дух и атмосферу газеты, но по-своему влияли на них. Как это бывало почти всегда и повсеместно там, где появлялась Прегель, она и в «Русской мысли» становится фигурой влиятельной и авторитетной. Лишь одна иллюстрация сказанному. Свою понадевавшую много шума статью в защиту Г. Адамовича «Нечто о критике» А. Элькан «пристроила» в газету через Прегель [Элькан 1958]¹⁶: в архиве последней сохранились рукописный текст статьи, названной автором «В чем дело?», и приложенная к ней записка:

Дорогая Софья Юльевна,
Очень прошу устройте, чтобы — в таком или ином виде напечатали, сократите, как хотите.
Обнимаю Анна¹⁷.

¹⁵ См., к примеру, выразительную аттестацию, которую дает этому изданию современный исследователь:

из всех органов зарубежной русской литературной печати этот журнал, предназначавшийся для заброски в СССР, считался наиболее опасным для Советского государства. Он был литературным ответвлением Народно-Трудового Союза, единственной в то время сильной эмигрантской подпольной организации, поставившей своей непосредственной задачей свержение советского строя [Флейшман 2008, р. 300–301].

¹⁶ В этой статье А. Элькан вела воинственную дискуссию с Г. Струве против его критических нападок на Г. Адамовича. Сам Г. Адамович отреагировал на эту статью без особого энтузиазма, заметив в письме к И. Одоевцевой от 19 апреля 1958 г. (еще до появления статьи в печати), что

Эльканша, по слухам, вступилась за меня и обложила Струве, но я ее произведения не видел. А вообще — суета сует, зачем, к чему?

А Г. Струве в письме В. Маркову от 7 мая 1958 г. назвал статью А. Элькан «не очень пристойной. <...> Кленовский полагает, что я буду отвечать ей, но я не собираюсь (да и Адамович едва ли ей за это будет благодарен)» (Собрание Ж. Шерона) (оба фрагмента приводятся по кн.: [«Если чудо вообще возможно за границей...» 2008, с. 535, 536]).

¹⁷ UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1.

Весьма правдоподобным выглядит допущение, что ко второй половине 1950-х гг. духовный арсенал прегелевского просоветского патриотизма пусть не полностью, но в значительной степени был исчерпан. И хотя она до конца жизни в известном смысле осталась на левых позициях, ее политических взгляды претерпели ощутимые перемены — не говоря уже о том, что в них сказывались гораздо большая жизненная умудренность, трезвомыслие и осмотрительность, плен прежних иллюзий перестал быть столь всеядным. И это наряду с тем, что в чисто внешнем плане связь Прегель с теми, кто жил в Советском Союзе, в особенности в «оттепельные» времена, когда Францию начали посещать многие представители советской творческой интеллигенции, только крепла, а круг корреспондентов расширялся. Как и многие в ее эмигрантском окружении, Прегель оказалась захвачена неизбежным процессом отказа от того безоглядного «советофильства» и некритического патриотического энтузиазма, который был вызван войной и первыми послевоенными годами¹⁸.

Письма Прегель Зурову последних лет свидетельствуют о том, что иллюзий, по-видимому, и вовсе не осталось: в письме от 1 февраля 1969 г. она удрученно замечает: «А на нашей родине, как Вы сами знаете, веселого мало!..», в письме же от 5 августа 1970 г. с еще большей горечью упоминает о том, что получает из России «...невеселые письма. Такого зажима уже давно не было! Этому конца не видно...»

Примерно то же *mutatis mutandis* можно сказать и в отношении Зурова. «Просоветский синдром» у обоих — не без влияния, нужно полагать, слишком явных и очевидных исторических событий, происходивших на родине, — с течением времени стал проявлять себя менее ощутимо. Во всяком случае, внешнее поведение и Прегель, и Зурова (да и если судить по многочисленным свидетельствам, направление их мыслей) довольно заметно отличалось от тех, кто не взял после войны советский паспорт, не вернулся на родину, но, оставшись в эмиграции, душой, тем не менее, перебрался в «красную Москву», как это, скажем, случилось с поэтом В. Мамченко. Сохранился любопытный рассказ последнего о вечере, организованном в Париже 17 июня 1961 г. Союзом русских писателей и журналистов и посвященном памяти О. Мандельштама. Вечер по времени примерно совпал с известием о смерти в Москве вернувшегося туда в начале 1950-х гг. А. Ладинского, которого не стало за две недели до этого¹⁹. Посетивший вечер В. Мамченко в письме к еще одному «возвращенцу», Ю. Софиеву (письмо датировано 25 июня), так описывал его:

Узнав о смерти, я пошел на лит<ературный> вечер в Р.М.О.З.²⁰ — случайный (!), по поводу О. Мандельштама, и попросил докладчика Терапиано объявить о

¹⁸ Впрочем, и в более поздние времена София Юльевна могла неожиданно удивить своим политическим простодушием. Г. Адамович не без иронии писал А. Бахраху (письмо от 18 января 1965 г.), что Прегель ему как-то сказала в том духе, что «Сталина я вам дарю, но Ленина я обожаю», — «И ведь не дура, а такое может сказать!» — комментировал Адамович эти слова [Адамович 2001, с. 165].

¹⁹ Об А. Ладинском см. примеч. 1 к письму № 5, от 18 ноября 1945 г.

²⁰ Российское музыкальное общество (за границей); располагалось по адресу: 26 av. de New York, Paris, 16-е.

Ладинском... Знаешь, долго мне пришлось «уговаривать» многих, чтоб, наконец, Терапиано пробормотал себе в жирный подбородок (сидя и в шуме сидящих десятка гостей) скороговоркой: «В Москве умер Ладинский, которого здесь знали...» И это всё! Вот как «холодная война» пожирает здесь своих лакеев!.. Потом, конечно, были всякие ошибки, одной из них был смят Мандельштам: но что может понять здешний ненавистник, когда за свою ненависть он получает свои «сребреники»: ну я ушел с лит<ературного> вечера, недослушав и недосмотрев «охотников на ведьм»... Ты знаешь мое влечение к людям и ко всяким литературным встречам; но вот уже больше нет у меня никакого желания к встречам даже с так называемыми здесь «прогрессистами» (да, увы, в кавычках!). Очень трудно. Вот прятала же от меня свои глаза и Прегель, когда я попросил сделать заявление о смерти товарища Ладинского [Звезды в аду 2008, с. 164]²¹.

Возможно, наиболее полно осмотрительная осторожность и дипломатическая сдержанность Прегель в ее многооттеночном отношении к Советскому Союзу проявили себя в мягком, однако же твердом и упорном отказе посетить его в качестве туриста. Будучи человеком, по целому ряду позиций не скрывавшим своих симпатий к бывшей родине, к тому же в отличие от многих других эмигрантов материально обеспеченным, она, безусловно, имела все возможности для этого, многократно темы поездки касалась, но в конце концов восточнее Швейцарии так и не двинулась. «Отговорочная стратегия» Прегель в связи с постоянно откладываемым посещением Советского Союза создавала сильное ощущение вариации на тему чеховских «Трех сестер», что не могло не броситься в глаза ее окружению. Так, хорошо Софию Юльевну знавший К. Померанцев, вспоминая о ней, впоследствии писал:

В случае С<офии> Ю<льевны> была и какая-то тоска по родине, идентифицировавшаяся с Советским Союзом. И было странно, что она, ставшая из-за своего многолетнего пребывания в Соединенных Штатах американской гражданкой, политикой не занимавшаяся, ни разу не удосужилась съездить в СССР. Я несколько раз спрашивал ее — почему? И никогда не получал ясного ответа, сводившегося к — «как-нибудь соберусь», но чувствовалось, что не соберется [Померанцев 1986, с. 70].

Наиболее отчетливым образом советское чиновно-идеологическое лицемерие, если говорить о том, где Зуров и Прегель должны были с ним тесным образом соприкоснуться, проявило себя в вопросе возвращения, точнее, в результате, невозвращения архива И. Бунина на родину. Описание этой истории в полном объеме, с учетом всех главных и периферийных ее сюжетов, переплетенных между собой и образующих сложный, многоходовый и многослойный роман, еще ждет своего летописца. Не касаясь здесь данной темы сколько-нибудь предметно²²,

²¹ К реакции Прегель на смерть А. Ладинского см. фрагмент из ее письма П.Л. Вячеславу от 19 июня 1961 г., приведенный в примеч. 1 к письму № 5, от 18 ноября 1945 г.

²² См. ее изложение одним из самых вдумчивых советских буниноведов, к тому же изнутри наблюдавшим за работой советской партийно-аппаратной машины, сделавшей, как кажется, всё возможное, чтобы бунинский архив на родину не попал: [Бабореко 1993].

тем более что переписка Прегель и Зурова скользит по ней достаточно бегло и приглушенно, отметим лишь тот факт, что они оба выступали ее деятельными участниками: Зуров, понятное дело, в качестве законного наследника бунинского архива, играл центральную роль, однако и Прегель было отведено в ней далеко не второстепенное место²³.

Надо полагать, что в вопросе о будущем местонахождении архива последнего классика русской литературы ряд поступков Зурова был Прегель не по душе. Хотя ее чувства к Зурову никогда не переходили некоей установленной грани уважения, дружеской привязанности и преданности, тем не менее, как об этом можно судить по письмам к другим людям, временами Прегель испытывала к Леониду Федоровичу разнообразные оттенки недовольства и досады. Так, в письме к Кодрянской, одной из самых близких своих подруг, она, в очередном порыве раздражения поведением Зурова, опубликовавшего в 66-й книжке «Нового журнала» за 1961 г. «Литературное завещание» И. Бунина, пишет (письмо датировано 10 января 1962 г.):

Хотела бы, чтоб Вы прочли «Новый журнал» и высказались по поводу Зурова... Он стал *невероятно* важным: *наследник бунинской славы* — К сожалению, принуждена возиться с его мебелью — я говорю *его*, т. к. *всё* бунинское он себе присвоил (увы, по вине нашей дорогой Веры Николаевны...)

Или в другом письме, ей же, от 22 февраля 1962 г., продолжая ту же тему опубликованного Зуровым бунинского литературного завещания, Прегель признается:

Зуров мне надоел, и я стараюсь видеть его как можно реже... <...> он недавно меня вызвал и стал говорить, что скоро я попаду в лагерь врагов и недоброжелателей. И всё потому, что я не увлекаюсь «Литературным» Завещанием» Бунина, кот^{орое} будто бы имеет колоссальный успех — Не понимаю, как Завещание> может иметь успех, ведь это же не художественное произведение! —

Упомянутая в первом из приведенных писем бунинская мебель, после смерти Веры Николаевны хранившаяся на складе (Зуров, которого «уплотнили», оставив за ним две небольшие комнаты, был лишен возможности держать ее у себя)²⁴, становится сквозным мотивом ряда писем Прегель начала 1960-х гг., поскольку именно ей пришлось оплачивать совсем не дешевые складские услуги из собственных средств (или, по крайней мере, она явилась частичным финансовым донором), ср. в ее письме всё к той же Кодрянской от 2 мая 1962 г.: «Опять внесла деньги за мебель Буниных», или Г.Н. Кузнецовой от 12 апреля 1963 г.:

²³ Более подробно об этом см.: [«Ваше письмо...» 2015].

²⁴ Следует отметить, что Зуров не только попытался сохранить основную часть бунинской мебели, предметов бытовой обстановки и личных вещей, принадлежавших Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне, но и позаботился о составлении их подробного перечня, фотографиях и схеме квартиры, см. некоторые из этих материалов в деле, присоединенном к его письму Кодрянским от 3 сентября 1966 г., в чей загородный парижский дом мебель Буниных была передана в 1960-е гг. (НИОР РГБ. Ф. 503. К. 1. Д. 9. Л. 1–8).

Опять встает вопрос о мебели Буниных. Зурову до сих пор помогали, и он почти ничего не платил за хранение. Теперь *дающим* надоело, а ему не хочется, да и трудно выложить деньги (6 тысяч старых франков за 3 месяца —). Я дам часть — 2–3 тысячи старых франков. Но не знаю, как будет в дальнейшем²⁵ —

Копившиеся бытовые обиды порой выплескивались наружу, но опять же не выходя за границы узкого круга доверенных лиц, одним из которых была Кодрянская. 4 сентября 1962 г. Прегель делится с ней:

Вера Николаевна слишком его (Зурова) избаловала, и теперь он рычит, когда его хотят погладить «против шерсти» —

По-видимому, кроме общей атмосферы доверительности и дружеской интимности, сложившейся между Кодрянской и Прегель, последняя «жаловалась» на Зурова еще и потому, что отношения Наталии Владимировны и Леонида Федоровича были весьма шероховатыми. Не случайно именно она отсоветовала К.Г. Паустовскому, посетившему Париж, встретиться с Зуровым. Об этом К.Г. Паустовский писал 22 июля 1963 г. А.К. Бабореко:

В декабре 1962 года я был в Париже, но Зурова не видел (мне отсоветовали с ним встречаться), но много беседовал о Бунине с Адамовичем, Кодрянской и Борисом Зайцевым [Бабореко 1993, с. 85].

«От посещения Зурова отговорила Н.В. Кодрянская, отношения у них были очень сдержанные», — комментирует этот пассаж автор книги [Там же].

И тем не менее — при всех сложностях реальных человеческих связей и коммуникаций — вряд ли можно оспорить то, что Прегель и Зуров принадлежали одному дружескому сообществу, кругу «своих», трения и конфликты внутри которого, как правило, не выходили за пределы выработанного и утвержденного на протяжении долгих лет кодекса конвенциональных норм, ценностей и привычек. Прегель являлась для Зурова не просто приятельницей, «одной из многих», но человеком до конфиденциальности близким, родным. Так, именно она, например, присутствовала в качестве свидетеля при составлении Зуровым 30 августа 1961 г. завещания, в конце которого имеется ее удостоверяющая запись (подтвержденная, в свою очередь, М.А. Гофманом):

При написании сего присутствовала и свидетельствую, что Леонид Федорович Зуров находится в здравом уме и твердой памяти.

С.Ю. Прегель-Равницкая
S. Pregel-Ravnicki,
17 rue des Petites Ecuries, X²⁶.

²⁵ Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. FSO 01-141.

²⁶ LRA. MS 1068/1672A.

Зуров был одной из неустанных забот Прегель — как моральных, так и материальных. Это положение со временем только усугублялось, чему, кроме прочего, способствовала душевная болезнь Леонида Федоровича, потребовавшая от близких друзей немалых жертв и моральных усилий. Прегель была свидетельницей первых проявлений зуровской болезни, выказывая свое неизменное дружеское чувство в особенности к тем, кто попадал в беду. Когда Зуров оказался в клинике, то, как писала В.Н. Бунина в письме к Н.В. Кодрянской (26 декабря 1953 г.),

из писателей его навещали только Софья Юльевна и Емельянов, оба настоящие друзья²⁷.

После смерти В.Н. Буниной одними из самых близких Зурову людей стали Прегель и жившая в Шотландии профессор славистики Эдинбургского университета Милица Эдуардовна Грин (Greene; урожд. Гартъе; 1912–1998), унаследовавшая от него бунинский архив. В письмах Прегель к Грин²⁸ едва ли не главной, а подчас и основной темой является Зуров, его здоровье, физическое и душевное состояние. Из этих писем, в частности, видно, что и Прегель, и Грин оказывали ему финансовую помощь²⁹. Так, в письме от 8 февраля 1965 г., сообщая, что она планирует отъезд из Парижа к больной сестре в Канны, а затем в швейцарскую клинику «La Lignière», где обычно проходила курс лечения и отдыхала, Прегель пишет:

Если б Вы могли к тому времени <к приезду Прегель накануне Пасхи> послать небольшую сумму для Л<еонида> Ф<едоровича>, было бы хорошо.

Перед отъездом оставляю ему деньги на расходы по лекарствам и пр. — Это покроеет и его визиты к д-ру Зернову³⁰.

Даже в тех случаях, когда это были не собственные финансовые контрибуции Прегель, а, скажем, Литературного фонда (Нью-Йорк), оказывавшего материальную помощь малоимущим и больным писателям-эмигрантам, она проявляла максимум деловой озабоченности в связи с тем, что деньги от них Зурову не поступали. Сошлемся в качестве иллюстрации на ее письмо Кодрянской от 8 февраля 1957 г., в котором София Юльевна просит подругу похлопотать о зуровском деле:

Вера Ник<олаевна> Бунина> обеспокоена Вашим молчанием. Л<еонид> Ф<едорович> до сих пор ничего от Лит<ературного> Фонда не получал — это его страшно волнует. Положение их неважное, очень и очень затруднительное. В<ера> Н<иколаевна> с трудом (не понимаю даже как...) сводит концы с концами.

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 503. К. 1. Д. 5. Л. 15 об.

²⁸ Письма С. Прегель к М. Грин хранятся в LRA. MS 1065/1355–1375.

²⁹ З. Шаховская называет Прегель среди тех — Н.Б. Соллогуб, М.Э. Грин, благодаря кому Зуров не умер с голоду [Шаховская 1991, с. 275].

³⁰ LRA. MS. 1065/1365. Владимир Михайлович Зёрнов (1904–1990), врач, доктор медицины, специалист по внутренним болезням, гематолог. Переехав в 1929 г. из Белграда в Париж, работал в Пастеровском институте и врачом амбулатории при Сергиевском подворье. Лечил И. Бунина и А. Ремизова, см. в связи с этим написанные им части в мемуарной книге семьи Зёрновых [За рубежом 1973, гл. «Русский врач в Париже», с. 394–399; гл. «И.А. Бунин (1870–1953)», с. 400–403].

Надеюсь, что это *случайная задержка* — Пожалуйста, родненькая, справь-тесь... Это очень важно, т. к. «бюджет» Л<еонида> Ф<едоровича> на этом построен, и он не может даже пойти к врачу...

Разумеется, было бы сильным преувеличением утверждать, будто бы Прегель явилась одной из «крестных матерей» Зурова, но в первые послевоенные годы ее опека зуровского творческого дарования — и в качестве редактора-издателя «Новоселья», и в роли пусть и скромного мецената — заметно чувствовалась. В частности, она сделала все от нее зависящее, чтобы обеспечить Зурову денежную помощь для завершения романа «Зимний Дворец», см. обсуждение этой темы в зуровском письме Прегель (№ 9, от марта 1946 г.) и в двух ее ответных письмах (№ 10, 11, соответственно — от 27 марта и 19 апреля 1946 г.)³¹. Не вина Софии Юльевны, что роман остался незаконченным (работа над «Зимним Дворцом» застопорилась из-за того, что автор, получив некоторые новые данные от одного из непосредственных участников событий, был вынужден изменить первоначальный замысел; кроме того, деньги пошли на лечение и пр.). Как-то, в письме к Кодрянской от 1 сентября 1949 г., Прегель обронила фразу о том, что Зуров о своем романе — «ни гу-гу», через несколько лет, 11 марта 1952 г., еще более близкому ей тогда корреспонденту, А. Бахраху, она писала:

Вера Ник<олаевна Бунина> усиленно переписывается с Чеквер. Ведь на адрес Ч<еквер> приходили деньги для Зурова. О книге уже не упоминает. Она, боюсь, «...отошла без возврата»... З<уров> в настоящее время *работает*. Как связать это с тем, что бумага была куплена приблизительно год тому назад?! — Некоторые американские подписчики волнуются (никак не могут привыкнуть к блёфу), парижским же меховщикам всё безразлично: деньги они давали, чтоб избавиться от В<еры> Н<иколаевны>³²...

³¹ Сбор средств на издание романа Зурова продолжался и в последующие годы, в том числе и путем подписки; эта тема становилась одной из центральных в переписке В.Н. Буниной с разными корреспондентами, см. об этом, в частности, в ее многочисленных письмах Г.Н. Кузнецовой [И.А. Бунин 2014].

³² В.А. Alexander Bacheras papers. Box 8. За год до этого письма, 24 марта 1951 г., В.Н. Бунина писала Н.В. Кодрянской, сообщая о деньгах, собиравшихся под издание романа:

Леня совсем не выходит из «Зимнего Дворца». Собрано 990.800 фр<анков>, но этого еще мало. Цены все растут и растут.

У меня есть еще адреса, по которым я не обращалась. Опять начну через несколько дней: «Будьте вкладчики на мягкие калачики»... (НИОР РГБ. Ф. 503. К. 1. Д. 5. Л. 7).

Спустя чуть более чем через полгода, 6 октября 1951 г., она информировала того же корреспондента:

На издание «З<имнего> Д<ворца>» не хватает 84.000 фр<анков>! Надо опять приниматься за поиски подписчиков. Собрано пока 405.475. Жизнь дорожает. Леня устал, очень нервен и похудел (Там же. Л. 8 об.).

О том, что сумма, отложенная на роман, все еще является неприкосновенной, мы узнаем из ее письма к Н.В. Кодрянской от 31 марта 1953 г.:

Лени уже нет в Париже почти два месяца, по предписанию врача он уехал в деревню, где работает на огороде, за это ему хозяева немного сбавили за пансион. Он был в таком нервном состоянии, 20 дней страдал бессонницей, что мгновенно отразилось на легких... Не только мы, но и он сам испугался и продал всё, что мог (но денег книги «З<имний> Д<ворец>» не тронул), и покинул нас (Там же. Л. 17).

Кажется, этими минутными прегельскими реакциями на то, что полученные Зуровым деньги не были истрачены по назначению, дело и кончилось. По крайней мере, по имеющимся у нас данным, она об этом более нигде не упоминала.

Через многие публикуемые ниже письма Прегель к Зурову проходит тема здоровья, ее собственного и в особенности ее корреспондента, что, конечно, далеко не случайно. Как писала о Зурове З. Шаховская,

несмотря на свой цветущий вид, Зуров здоровьем не отличался. Сперва обнаружилась легочная слабость, затем, позднее, после войны, — нервная болезнь, с периодическими улучшениями или ухудшениями [Шаховская 1991, с. 275].

Первые признаки упоминаемого З. Шаховской нервного заболевания проявились у Зурова в начале 1950-х гг. В последующие годы оно то на время отходило, то вновь возвращалось, но в целом его психическое здоровье не было устойчивым. К концу жизни у него стала развиваться сердечная болезнь — он и умер от разрыва сердца в санатории Ax-les-Thermes (во французских Пиренеях). Зуров ушел из жизни 9 сентября 1971 г., не прошло и года, как 26 июля 1972 г. не стало Прегель.

* * *

Основную часть нижеследующей публикации составляют письма Прегель Зурову, которые, судя по всему, лучше сохранились. Они печатаются по автографам, хранящимся в Архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3 (Л.Ф. Зуров). Оп. 1. Д. 94 и Д. 137 (кроме письма № 30, от 22 августа 1956 г., находящегося в LRA. MS. 1068/3748). Письма Зурова Прегель печатаются по автографам, хранящимся в UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 3. Исключение составляют три машинописные копии — письма № 9, от марта 1946 г., № 15, от 18 сентября 1946 г. и № 19 от конца января — начала февраля 1947 г. Первая и третья копии хранятся в указанном фонде Зурова в Архиве ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. Д. 94 и Д. 102 соответственно), вторая — в LRA (MS. 1068/3747).

Публикаторы приносят искреннюю благодарность Ричарду Дэвису (R. Davies; Лидс) за неоценимую помощь в подготовке данной публикации, а также выражают признательность А.В. Громовой (Москва) и Г.Б. Глушанок (Нью-Йорк) за содействие в их работе.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University

LRA — Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds

UIAUC — University of Illinois Archives at Urbana-Champaign

- Адамович 1946 — *Адамович Г.* Литературные заметки // Русские новости. 1946. № 56. 7 июня. С. 4 <Рец. на: *Раевский Г.* Новые стихотворения. Париж, 1946; *Яссен И.* Дальний путь. Нью-Йорк, 1946; *Брюсов В.* Избранные стихотворения. Москва, 1945.>
- Адамович 1958 — *Адамович Г.* «Встреча»: Стихи Софии Прегель // Русская мысль. 1958. № 1257. 28 августа. С. 2–3.
- Адамович 2001 — *Адамович Г.* Письма А.В. Бахраху (1957–1965) / <Публ. Веры Крейд> // Новый журнал. 2001. № 225. С. 148–185.
- Андреев 1972 — *Андреев Н.* Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом (Опыт постановки темы) // Русская литература в эмиграции / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. С. 15–38.
- Арманд — *Арманд Е.* Блаженны чистым сердцем. Электрон. ресурс: <http://iknigi.net/avtor-elena-armand/87331-blazhenny-chisty-e-serdcem-elena-armand/read/page-60.html>
- Арсеньев 1953 — *Арсеньев В.* «Последняя книга» // Грани. 1953. № 17. С. 149–150.
- Бабореко 1993 — *Бабореко А.* Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М.: Моск. рабочий; Скифы, 1993. 223 с.
- Батшев 2008 — *Батшев В.* Писатели русской эмиграции: Германия 1921–2008: (Материалы к биобиблиографическому словарю). Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2008. 296 с.
- Бахметьева 1993 — *Бахметьева Е.* Три ипостаси Александра Дехтерева // Вильнюс. 1993. № 7 (126). С. 123–138.
- Бахрах 1978 — *Бахрах А.* Сны и явь Ремизова // Русская мысль. 1978. № 3232. 30 ноября. С. 10.
- Берберова 1972 — *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография. München: Wilhelm Fink Verl., 1972. 709 с.
- Беседы с Н.Б. Соллогуб... 2004 — «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова; коммент. Л.А. Мнухина при участии О.А. Ростово-вой. М.: Русский путь, 2004. 280 с.
- Бицилли 1949 — *Бицилли П.* Заметки о стиле Пантелеймонова // Новоселье. 1949. № 39/41. С. 198–201.
- Блок 1965 — *Блок А.* Записные книжки, 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В.Н. Орлова. М.: Художественная литература, 1965. 663 с.
- Вайншенкер 1968 — *Вайншенкер П.Л.* ПРЕГЕЛЬ, София Юльевна // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. Стб. 956.
- «Ваше письмо...» 2015 — «Ваше письмо... меня очень тронуло»: (Переписка С.Ю. Прегель с Л.В. Никулиным и П.Л. Вячеславовым) / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013): Сб. докладов / сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 403–444.
- Гингер 2013 — *Гингер А.С.* Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2013. Т. 2. 496 с.
- Громова, Захарова 2012 — *Громова А.В., Захарова В.Т.* Жизнь и творчество Л.Ф. Зурова. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2012. 176 с.
- Гуль 1958 — *Гуль Р.* Об одной «вселенской смази». Письмо в редакцию // Русская мысль. 1958. № 1255. 23 августа. С. 5.
- «Если чудо вообще возможно за границей...» 2008 — «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. 816 с.
- Железнов 1947 — *М. Ж.* <*Железнов М.*> Вечер «Новоселья» // Новое русское слово. 1947. № 12743. 19 марта. С. 3.

- За рубежом 1973 — За рубежом: Белград–Париж–Оксфорд (Хроника семьи Зёрновых) / под ред. Н.М. и М.В. Зёрновых. Paris: YMCA-Press, 1973. 561 с.
- Звезды в аду 2008 — Звезды в аду: Письма Виктора Мамченко (Н.Н. Кноррингу и Ю.Б. Софиеву: Париж — Алма-Ата) / публ. Н. Черновой // Нива: Казахстанский литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. 2008. № 3. С. 152–186.
- Зуров 1946 — *Зуров Л.Ф.* Астория // Русский сборник. 1946. № 1. С. 70–86.
- И.А. Бунин 2014 — И.А. Бунин: Новые материалы / сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарев, Р. Дэвис; сопроводит. ст. Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун, 1934–1961. 713 с.
- Иван Бунин во Франции 1980 — Иван Бунин во Франции: (Дневник Я.Б. Полонского) // Время и мы. 1980. № 56. С. 279–304.
- Иванов 1950 — *Иванов Г.* «Новоселье» на новоселье // Возрождение. 1950. № 11. Сент.–окт. С. 187–188.
- Из переписки Залкинда с Прегель 2004 — Из переписки В.А. Залкинда с Б.Ю. и А.Н. Прегель / вступ. ст., публ. и коммент. В. Хазана // Вестник Еврейского ун-та. 2004. № 7 (27). С. 367–384.
- Клименко 1973 — *Клименко В.А.* Скаутизм на Дону // Родимый край (Париж). 1973. № 104. С. 28–32; № 105. С. 23–26.
- Кожевникова 1961 — *Кожевникова О.* <Некролог А.П. Ладинскому> // Русские новости. 1961. № 838. 23 июня. С. 4.
- Куприяновский 1988 — *Куприяновский П.В.* Писатель-плесянин Николай Смирнов // Тез. докл. областной науч.-практ. конф. «Проблемы изучения и заповедования Плеса». Плес, 1988. С. 12–13.
- Лавринец 2011 — *Лавринец П.* «Борьба с символизмом» А.П. Дехтерева // Славянские чтения. VIII / red. A. Stankevič <et al.>. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais argāds «Saule», 2011. С. 114–123.
- Лавринец 2013 — Александр Дехтерев. Апологет символизма (Рассвет. 1934. 27 февраля) / публ. П.М. Лавринца // Смерть Андрея Белого (1880–1934): Сб. ст. и мат-лов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 789–792.
- Певец 1998 — Певец золотого Плеса Николай Иванович Смирнов (1898–1978): Сб. науч. ст., мат-лов и публ. / сост. Л.А. Шлычков. Иваново, 1998. 212 с.
- Переверзев 2006 — *Переверзев О.К.* «...Непреходящ “образ мира сего” — образ бессмертного Искусства!» (К истории взаимоотношений Б. Пастернака и Н. Смирнова) // Куприяновские чтения–2005: Мат-лы межвуз. науч. конф. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2006. С. 177–188.
- Переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым 2010 — «Дорогой Еруслан», «Дорогой Бова», «Милый, милый Леня»: Переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым. Ч. II (1933–1953) / вступ. ст. И. Белобровцевой; публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы / сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. Вып. II. С. 179–224.
- Переписка Тэффи 2001 — Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными, 1939–1948 / публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 477–584.
- Письма С. Прегель к Р. Чеквер — «Вы делаете прекрасное дело» (Письма С. Прегель к Р. Чеквер) / публ., вступ. ст. и примеч. В. Хазана // Русские евреи в Америке / ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2015. Кн. 10. С. 45–105.
- Померанцев 1958 — *Померанцев К.* Поэзия Георгия Иванова // Русская мысль. 1958. № 1250. 1 августа. С. 4–5.

- Померанцев 1986 — *Померанцев К.* Сквозь смерть: Воспоминания / вступ. ст. Б. Филиппова. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1986. 193 с. (Вчера, сегодня, завтра; 5).
- Пономарев 2014 — Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова / сост., ред. А.Ю. Пономарев. М.: Б.и., 2014. Вып. 1. 402 с.
- Поплавский 1996 — *Поплавский Б.Ю.* Неизданное: Дневник, статьи, стихи, письма / сост. и коммент. А. Богословского и Е. Менегальдо. М.: Христианское изд-во, 1996. 512 с.
- Прегель 2000 — *Прегель С.* Письма П.Л. Вячеславу / публ. и примеч. Н. Рубашевой // Новый журнал. 2000. № 219. С. 154–180.
- Пяст 1997 — *Пяст Вл.* Встречи / сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 411, [2] с.
- Ронен 2001 — *Ронен О.* Берберова (1901–2001) // Звезда. 2001. № 7. С. 213–220.
- Сводный каталог... 1999 — Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М.: РОССПЭН, 1999. 462 с.
- Слоним 1929 — <*Слоним М.Л.*> Сборник рассказов Зурова // Воля России. 1929. № 3. С. 142.
- Струве 1996 — *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.
- Таубер 1936 — *Таубер Е.* Зарубежные поэтессы // Русское дело. 1936. № 8. 15 августа. С. 5.
- Таубер 1958 — *Таубер Е.* Буйство глаз (О стихах Софии Прегель) // Грани. 1958. № 39. Июль–сентябрь. С. 220–223.
- Терапиано 1945 — *Терапиано Ю.* <Рец. на:> «Новоселье»: Ежемесячный литературно-художественный журнал. Нью-Йорк, 1944–1945. № 14–15 и 17–18 // Встреча: Сборник Объединения русских писателей во Франции (Париж). 1945. <Вып. 1>. Июль. С. 32.
- Терапиано 1976 — *Терапиано Ю.* Последнее объединение // Новое русское слово. 1976. № 23890. 14 марта. С. 5.
- Терапиано 1987 — *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос–Третья волна, 1987. 352 с.
- Терапиано 2014 — *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. СПб.: Росток, 2014. 664 с.
- Тименчик 2006 — *Тименчик Р.* На окраине серебряного века // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes / ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006. P. 123–144. (Stanford Slavic Studies; vol. 32).
- Тименчик 2008 — *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М.: Гешарим–Мосты культуры, 2008. 684 с.
- Тэффи 1948 — *Тэффи Н.А.* «Зеленый шум» // Новоселье. 1948. № 37/38. С. 138–142.
- Тэффи 1950 — *Тэффи Н.А.* «Золотое число» // Там же. 1950. № 42/44. С. 224–227.
- Устами Буниных 1982 — Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M.: Посев, 1982. Т. 3. 221 с.
- Флейшман 2008 — *Флейшман Л.* На заре «тамиздата» // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea: <in 2 parts> / ed. by A. Dolinin <et al.>. Stanford, Cal., 2008. Part II. P. 282–325. (Stanford Slavic Studies; vol. 36).
- Хазан 2011 — *Хазан В.* Без своего места в мире («Отцы» и «дети» в прозе В. Варшавского) // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 179–206.
- Ходасевич 2002 — *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал / вступ. ст., подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002. 477 с.

- Хроника 2000a — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2000. Т. 1 (5): 1940–1954. 670 с.
- Хроника 2000б — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2000. Т. 2 (6): 1955–1963. 584 с.
- Хроника 2001 — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2001. Т. 3 (7): 1964–1975. 429 с.
- Шаховская 1991 — Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 316 с.
- Шмаглит 2005 — Шмаглит Р.Г. Русская эмиграция за полтора столетия: Биографический справочник. М.: РИПОЛ классик, 2005. 380 с.
- Элькан 1958 — Элькан А. Нечто о критике // Русская мысль. 1958. № 1202. 22 апреля. С. 5.
- Юниверг 2008 — Юниверг Л. «Доброе дело директрисы русской литературы»: Из истории журнала «Новоселье» (1942–1950) // Лехаим. 2008. № 12. С. 29–33.
- Яновский 2012 — Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти. М.: Астрель, 2012. 479 с.
- Brom 1973 — Brom L. Leonid Zurov. Fresno, Cal.: Pioneer Publishing Co., 1973. X, 116 p. (Ivan Bunin's protégés; vol. 1).
- Couvée 1994 — Couvée P. PREGEL, Sofia Iul'evna // Dictionary of Russian Women Writers / ed. by M. Ledkovsky <et al.>. Westport, Conn.; London: Greenwood Press, 1994. P. 519–520.
- Ermolaev 2012 — Ermolaev N. Introducing America: The Shape of American Culture in Sophia Pregel's Journal *Novosselye* // Russian Emigration at the Crossroads of the XX–XXI Centuries. New York: The New Review Publishing, 2012. P. 54–66.
- Machourková 2010 — Machourková H. Sofija Pregel': Untersuchungen zum Leben und Werk. Wien, 2010. 239 s.
- Sept letters... 2002 — Sept letters autobiographiques d'Alexis Remizov à Dominique Arban / Publication, commentaries et notes de Michel Niqueux // Revue des Études Slaves. 2002. T. 74, № 1. P. 171–191.
- Zaitsev 1937 — Zaitsev Boris. Anna / transl. by Natalie Duddington. London: George Allen&Unwin; New York: Henry Holt and Co., 1937. 156 p.

1

С.Ю. Прегель – Л.Ф. Зурову

Кан-д'Ай, 6 июня 1938 г.

6.6.<19>38

Дорогой Леонид Федорович!

Надеюсь, Вы получили 200 фр<анков>, кот<орые> я оставила у нашего консьержа¹. Из-за того, что мой муж себя неважно чувствует², мы несколько задерживаемся на Ривьере. В Париже буду только в понедельник (13-го) утром. Если Вы до того времени уедете, то

1) Желаю Вам счастливого пути и всяческих успехов

2) Прошу мне написать, в каком положении наши дела и что еще нужно сделать и кому мне можно выдать деньги или оставить соответствующее распоряжение у А.С. Присмановой³.

Если от Вас не будет весточки, позвоню Вере Николаевне <Буниной> и узнаю, как мне поступить в дальнейшем.

На Ривьере чудесно. Полное затишье. Совсем как в Париже в августе–сентябре.

Желаю Вам от души всего наилучшего.

Искренно Ваша

С. Прегель-Брейнер

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–1 об. Автограф, на почтовой бумаге Eden Hôtel (Cap d'Ail près Monaco).

¹ По всей видимости, речь идет о вкладе Прегель в финансирование археологической и этнографической экспедиции Зурова в Печорский край, куда он в очередной раз отправился в середине июня 1938 г. Официальным заказчиком и, соответственно, источником субсидирования этой поездки являлся парижский Музей человека, но выплата субсидии задерживалась, и тогда по призыву П.Н. Милокова начался сбор средств среди частных инвесторов, одним из которых, судя по всему, стала Прегель.

Материалы экспедиций Зурова только сейчас начали публиковаться (см.: [Пономарев 2014]).

² См. упоминание о муже Прегель, С.(Ш.)Н. Брейнере во вступительной статье. Отметим, что Брейнер выступал в «Новоселье» с политико-аналитическими статьями: «Внешняя политика Советской России» (1944. № 12/13. Июль–авг. С. 103–120), «Испания и аргентинская угроза» (1945. № 17/18. Февр.–март. С. 58–66), «Япония и мировая политика» (1945. № 22/23. Ноябрь.–дек. С. 91–103).

³ Анна Семеновна Присманова (1892–1960), поэтесса; жена поэта А.С. Гингера.

2

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 7 августа 1945 г.

Written in Russian¹
S. Pregel-Breyner
330 W. 72 St<reet>
New York 23, N. Y. 7 авг<уста> 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Несмотря на то, что Вы вместо 72 написали 27nd Street, Ваш исключительно интересный (страшный) материал получила. Он будет напечатан в ближайшем номере «Новоселья»². Журнал существует 4-ый год. Вышло 30 номеров³. Работа тяжелая и неблагодарная. Надо всё время искать новых людей, т. к. приходится рвать со многими... Хотелось создать просто *русский* журнал — я этого в какой-то мере добилась. «Новоселье» попадет на нашу родину. Получились уже письма от Союза Писателей⁴.

Сухомлин покидает Нью-Йорк 19-го авг<уста>⁵. Он Вам всё расскажет. Посвятит в здешние дела-делишки.

Сегодня же посылаю Вам посылку⁶.

Напишите о себе и о том, как живется в Париже. Здесь — в связи с интересом ко всему русскому — многие стали преподавать в колледжах и средних школах.

Я поглощена «Новосельем», кот<орое> отнимает у меня все силы и всё внимание. Жду от Вас еще материала (рассказов).

Искренне Ваша

София Прегель
(S. Pregel-Breyner)

Привет сердечный Вере Николаевне и Ивану Алексеевичу <Буниним>.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 2–2 об. Автограф.

¹ Написано по-русски (*англ.*).

² Речь идет об очерке Л. Зурова «Аушвиц», напечатанном в 21-й книжке «Новоселья» за сентябрь–октябрь 1945 г. (С. 26–31). После этой публикации очерк перепечатала парижская газета «Советский патриот» (1945. № 45. 31 августа. С. 4), что вызвало недовольство Прегель, и она была вынуждена 24 октября 1945 г. обратиться с письмом к П. Ставрову, являвшемуся тогда председателем Объединения русских эмигрантских писателей (см. о нем примеч. 2 к следующему письму):

Дорогой Перикл Ставрович,

Только что купила номер «Советского патриота» и к удивлению и ужасу увидела в нем рассказ Зурова «Аушвиц».

Очень прошу Вас передать *всем, всем, всем*, чтобы этого не делали. До США всё доходит, и журнал впервые за все эти годы выглядит глупо и смешно. Нам перепечатки не

нужны. Об этом и речи быть не может! Не знаю, почему в Париже считают, что Америка отделена от «цивилизованного» мира (Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 6–6 об.).

Правда, за несколько дней до этого, в письме к В.Н. Буниной от 19 октября, Прегель писала об успехе зуровского «Аушвица» в несколько ином эмоциональном ключе:

Л<еониду> Ф<едоровичу> напишу на днях. «Аушвиц» имеет большой успех. Газеты его перепечатали. Это хорошо. *Такое* должны все прочесть (Там же. Л. 4 об.).

³ Как было сказано выше, во вступительной статье, 1-я книжка «Новоселья» увидела свет в феврале 1942 г., в течение которого вышло 10 номеров; сквозная же нумерация журнала началась с 1943 г., поэтому всего было издано не 44 номера, как можно заключить из обычного библиографического описания (см., например: [Сводный каталог... 1999, с. 132]), а 54.

⁴ «Новоселье» с момента зарождения заняло просоветскую позицию и придерживалось ее до конца своего существования. В относящемся к более поздним временам рассказе о журнале печатавшийся в нем Ю. Терапиано дипломатично пытался придать этому факту эвфемистическую форму выражения, замечая, что по завершении войны «после изменения международных отношений, “Новоселье” стало кое-кому казаться “левым”» [Терапиано 1987, с. 193]. «Новоселье», разумеется, вовсе не казалось, а реально проводило «левую», просоветскую политику, консолидируя на антифашистской основе авторов, принадлежавших к разным идеологическим лагерям. Более решителен и, по существу, более справедлив был Г. Струве, который, рассматривая в качестве противовеса «Новый журнал», державшийся «принципиальной антисоветской позиции», писал, что в «Новоселье» «чувствовался советофильский душок, отражавший настроения некоторой части эмиграции во время войны и в первый послевоенный период» [Струве 1996, с. 254–255]. Журнал попадал в Советский Союз по линии ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей). Вспоминая об этом времени годы спустя, Прегель в письме советскому литературоведу П.В. Вячеславу от 5 июля 1961 г. сообщала:

Я посылала в Сов<етский> Союз от 50 до 200 ном<еров> «Новоселья». Некоторые обсуждались писателями в ВОКСе [Прегель 2000, с. 158].

⁵ Василий Васильевич Сухомлин (1885–1963), публицист, политический деятель, переводчик, член партии эсеров; сын известного революционера-народника В.И. Сухомлина, погибшего в годы «большого террора», и племянник О.Е. Колбасиной-Черновой, второй жены одного из лидеров ПСР В.М. Чернова (к слову сказать, также одному из авторов «Новоселья»). После бегства из ссылки за границу в 1907 г. жил в эмиграции, вернулся в Россию вслед за падением монархии. В 1918 г. вместе с Н. Русановым, И. Рубановичем, В. Черновым и Д. Гавронским составил Заграничную делегацию ПСР. Входил в состав редколлегии журнала «Воля России». Сотрудничал в социалистической европейской прессе и, пережив со временем эволюцию политических взглядов, перешел на крайне левые, а после войны — просоветские позиции. В 1940 г. бежал из оккупированного немцами Парижа и поселился в США, откуда после окончания войны вернулся во Францию, где сотрудничал в газете «France-Tigreur», а затем в «Liberation» (под псевдонимом Victor Samaret) и журнале «Cahiers Internationaux». В 1947 г. принял советское подданство и в 1951 г. был выслан французскими властями из страны как коммунистический агент. В 1954 г. возвратился в СССР. Один из авторов «Новоселья», в котором печатались его публицистическо-политологические очерки: «Где границы России?» (1943. № 6. Окт.–нояб. С. 54–66), «Россия и Китай» (1944. 9/10. Февр.–март. С. 84–95), «О сферах влияния и “гигантах мысли”» (1944. № 12/13. Июль–авг. С. 68–82), далее под постоянным заголовком «Свое и чужое»: 1944. № 14/15. Окт.–нояб. С. 81–93; 1944. № 16. Дек. С. 63–72; 1945. № 17/18. Февр.–март. С. 88–110; 1945. № 19. Апр.–май. С. 60–68; 1945. № 20. Июнь–июль. С. 74–83; 1945. № 22/23. Ноябрь–дек. С. 76–90.

В первое время после своего переезда из Нью-Йорка в Париж близкий к «Новоселью» Сухомлин помогал в распространении журнала среди русских эмигрантов в Европе. См., например, письмо к нему Прегель от 8 сентября 1945 г.:

Дорогой Василий Васильевич,

С приездом! Надеюсь, Париж Вас не разочаровал, как предполагали многие, в том числе Терапиано.

Только что получила Вашу телеграмму. Посылаю *Дому Книги* по 50 экземпляров ном<еров> 16, 17–18, 19, 20-го и 10 экз<емпляров> ном<еров> 14–15-го (14–15-ый стал уже библиографической редкостью — это последние disponible — 10 экз<емпляров>) (НИОР РГБ. Ф. 543. К. 18. Д. 13. Л. 1).

⁶ О «гонорарных» посылках Прегель см. выше, во вступительной статье.

3

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 25 сентября 1945 г.

25 сентября 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Сегодня посылаю Вам посылку; в ней будут жиры, мыло и прочее. Хотела бы знать, получили ли Вы уже ту посылку, о которой писала в прошлом письме.

По-прежнему много работаю, прошибаю стенку лбом. Здесь пока еще можно дышать. Нет того озлобления, кот<орое> царит по ту сторону океана.

Изредка вижу Яновского¹. Он работает в косметике. Недавно закончил роман. Уже писала Ставрову² о том, что Николая Оцуца здесь *нет*. Очевидно, на его след не напали. Боюсь, что он пропал³.

Следующий номер «Новоселья» (с Вашим рассказом) выйдет в первых числах октября⁴. Пошлю Вам 2 экземпляра.

От души желаю Вам всего, всего хорошего.

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 3–3 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Василий Семенович Яновский (1906–1989), прозаик, мемуарист; один из авторов «Новоселья», в котором были напечатаны четыре его рассказа: «Прохожий» (1944. № 11. Апр.–май. С. 21–32), «96° по Фаренгейту» (1944. № 14/15. Окт.–нояб. С. 3–13), «Атлантическая хартия» (1945. № 20. Июнь–июль. С. 3–5) и «Путешествие муравья» (1946. № 27/28. Июль–авг. С. 34–60).

² Перикл Ставрович Ставров (наст. фам. Ставропуло; 1895–1955), поэт, прозаик, переводчик, мемуарист; один из авторов «Новоселья», в котором печатались его стихи «Прощание», «Вокзал», «Все ровнее, быстрее и нежнее...» (1946. № 24/25. Февр.–март. С. 52–53) и рассказы: «Мосье Жан» (1945. № 19. Апр.–май. С. 11–16), «Дорогой дальнею» (1945. № 21. Сент.–окт. С. 15–22), «Скитания» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 61–65), «Чертов спуск»

(1947. № 35/36. Июль–авг. С. 60–63), «Американская дуэль» (1948. № 37/38. С. 107–112) и «Верблюды» (1949. № 39/41. С. 111–115).

³ Накануне Второй мировой войны поэт, переводчик, литературный организатор и литературный критик Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958), проводивший отпуск в Италии, был там арестован и более полутора лет провел в тюрьме. Совершив побег, он участвовал в итальянском партизанском движении, оставаясь в Италии до конца войны. Все это время в эмигрантской среде о нем ничего не было известно, и ходили слухи, что он находится в США (о вероятном прототипическом следе Н. Оцупа — именно как воина — в романе В. Варшавского «Ожидание» см.: [Хазан 2011, с. 190, 199]. После «самообнаружения» Оцуп стал автором «Новоселья», печатая в нем стихи: «Мне трудно без России» (1947. № 33/34. Апр.–май. С. 27–28), «Демон и Мессия» (1947. № 35/36. Июль–авг. С. 45–47); «Мы — после Блока» (1949. № 39/41. С. 47–48), критические отзывы (на книгу Г. Адамовича «L'autre Patrie» (Paris, 1947) — 1948. № 37/38. С. 130–137) и рецензии (на сборник стихов В. Мамченко «В потоке света» (Париж, 1949) — 1950. № 42/44. С. 222–223).

⁴ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

4

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 22 октября 1945 г.

22 октября 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

21-ый номер «Новоселья» Вы, вероятно, уже получили. Послала Вам посылку. В ней, кроме продуктов, 1 фуфайка и шерстяные носки (2 пары)¹. Сегодня одна милая моя знакомая (Mrs R. Checkver — она же поэтесса Ирина Яссен) послала Вам костюм и белье. *Обязательно* напишите (по получении посылки), она будет Вам регулярно посылать «пакеты». Ее адрес:

Mrs R. Checkver
113 -14 — 72nd Road
Forest Hills, L. 9
New York²

Прилагаю при сем кусочек рецензии: вот что пишет об Иване Алексеевиче и о Вас Н.В. Кодрянская в «Новом Русском Слове»³.

От души желаю Вам всего, всего хорошего.

Искренне Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 3–3 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ 19 октября 1945 г. Прегель писала В.Н. Буниной:

Посылаю Леониду Федоровичу *пока* посылку, состоящую из 1 фуфайки, 2-х пар шерстяных носков и продуктов (Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 4).

² Поэтесса, издатель, благотворитель Рахиль Самуиловна (Самойловна) Чеквер (псевд. Ирина Яссен; 1893–1957) родилась в Ромнах (Полтавской губ.); после окончания с отличием роменской гимназии училась на петербургских Высших женских курсах, завершив которые вернулась в родные Ромны, где работала в качестве журналиста, и в 1923 г. эмигрировала в США. Поселившись в Нью-Йорке, в 1930-е гг. вышла замуж за Льва Иосифовича Чеквера (1898–1977), ставшего со временем крупным предпринимателем и заметной общественной фигурой; в браке родился сын. После женитьбы Чекверы жили на Манхэттене, затем в Бруклине, Бронксе, в 1940–1950-е гг. — в Форест Хилс (адрес, который сообщает в данном письме Прегель), в Лонг-Бич, сначала на 24 Tennessee Avenue, затем на 115 Arizona Avenue; последний адрес был манхэттенский: 200 West, 86 Street. Автор четырех прижизненных поэтических сборников: двух изданных в Нью-Йорке — «Земной плен» (1944) и «Дальний путь» (1946) и двух — в Париже, вышедших в созданном ею в 1950 г. и руководимом до конца жизни издательстве «Рифма»: «Лазурное око» (1950) и «Память сердца» (1956); книга «Последние стихи» (Париж: Рифма, 1959) увидела свет после ее смерти. Помимо «Рифмы», Чеквер-Яссен принадлежала инициатива и организационно-финансовая роль в издании послевоенной поэтической антологии «Эстафета» (Париж; Нью-Йорк, 1948), в редколлегии которой, кроме нее самой, вошли В. Андреев и Ю. Терапиано. Чеквер-Яссен была одним из авторов «Новоселья», где печатались ее стихи: «Я одна с тобою...», «В сокровенности сердца...» и «Дитя страданья и бессилья...» (1943. № 6. Окт.–нояб. С. 30–32; эти стихи явились литературным дебютом 50-летней поэтессы; все три включены в ее первый сборник стихов «Земная печаль»: «Я одна с тобою...», под назв. «Озеро покоя» (С. 93); «В сокровенности сердца...» (С. 69); «Дитя страданья и бессилья...», под назв. «Прозрение» (С. 44)); «Неспокойная и песенная сила!..», «Туманных будней вереница...» (1945. № 21. Сент.–окт. С. 44); «Закон», «Струится нежное сиянье...» (1947. № 33/34. Апр.–май. С. 95); «А в жизни унылой...», «Гладь, нетронутая ветром...» (1949. № 39/41. С. 85–86). Письма к ней Прегель см.: [Письма С. Прегель к Р. Чеквер 2015].

Чеквер и в дальнейшем поддерживала Зурова материально. В письме к Кодрянским, датированном 2 ноября 1957 г., незадолго до смерти Рахиль Самойловны, Зуров писал:

Дорогая Наташа и Исаак Вениаминович,

Вера Николаевна <Бунина> прочла мне Ваше письмо. Я сразу хотел поблагодарить Рахиль Самойловну, но Софья Юльевна мне сказала, что сейчас ей лучше еще не писать. Пожалуйста, передайте при первой возможности Р<ахиль> С<амойловне> мою глубочайшую благодарность. Спасибо и Вам за доброе внимание. Очень Вас прошу переслать мне то, что Вы получили от Р<ахили> С<амойловны>, чтобы во время пути вещи из посылки не были потеряны (НИОР РГБ. Ф. 503. К. 1. Д. 7. Л. 26).

³ Детская писательница, переводчица, литературовед, мемуарист, актриса Наталья Владимировна Кодрянская (урожд. Гернграсс; 1901–1983) входила в самый близкий, интимный круг друзей Прегель. Выпускница московского Института благородных девиц, в 1919 г. она эмигрировала с родителями из России; до 1927 г. жила в Женеве, где познакомилась со своим будущим мужем — тогдашним студентом-медиком Женевского университета Исааком Вениаминовичем Кодряным (в США: Jacques Codrey; 1894–1980); их свадьба состоялась уже во Франции (30 июля 1927 г.), куда Кодрянская переехала во второй половине 1920-х гг. Поселившись в Париже, они прожили там до начала немецкой оккупации, в результате которой бежали в Америку (жили в Нью-Йорке по адресу: 263 West End Ave). Несмотря на то что в 1945 г. Кодрянские получили американское гражданство, после Второй мировой войны они достаточно часто приезжали во Францию и подолгу задерживались там, приобретя в 1950-е гг. дом под Парижем (городок Elancourt), где оба и умерли. Благодаря состоятельному мужу, Кодрянская занималась благотворительной деятельностью, в частности, поддерживала материально А.М. Ремизова, для которого была, по замечанию современника, вероятно, наиболее близким человеком «на закате его жиз-

ни» [Бахрах 1978, с. 10]. Автор книг (все увидели свет в Париже): «Сказки» (1950; с предисловием А. Ремизова, иллюстрации Н. Гончаровой), о которой в письме от 6 августа 1953 г. писательнице и переводчице Н.В. Хаттнер (псевдоним Dominique Arban) А. Ремизов писал как о лучшем, «... что вышло за последние 30 лет» в эмигрантской литературе [Sept letters... 2002, р. 184]; «Глобусный человечек. Чудесное путешествие» (1954; иллюстрации Ф. Рожанковского); «Алексей Ремизов» (1959); «Золотой дар» (1964; рисунки Ю. Анненкова); «Ремизов в своих письмах» (1977).

Кодрянская приняла участие в трех выпусках «Новоселья»: в № 4/5 за 1943 г. (август) был напечатан ее рассказ «Полустанок» (С. 47–53), в № 37/38 за 1948 г. — «Монгольские сказки» (С. 67–75) и в последней книжке журнала — № 42/44 за 1950 г. — пять коротких сказок: «Неудавшееся путешествие», «Сказка о короле вермишелей», «Очкчатая мышь», «Петушок» и «Старая береза и муха-однодневка» (С. 77–88).

Прегель имеет в виду рецензию Н. Кодрянской на 21-ю книжку «Новоселья», которая была напечатана в «Новом русском слове» (1945. № 12229. 21 октября. С. 8). О рассказах И. Бунина «Мадрид и «Второй кофейник» в ней говорилось:

Рассказы эти помечены концом апреля сорок четвертого года. Франция еще находилась тогда под властью немцев, но уже массировалось вторжение союзников и ширилось освободительное движение. Бунин-человек всё это знал и, несомненно, остро чувствовал. Но Бунин-писатель в апреле 1944 года продолжал бродить по темным аллеям любви, вечно-человеческого и даже действие своих рассказов он переносит в старую, но незабытую Москву, Москву дореволюционную.

«Мадрид» и «Второй кофейник» — два рассказа, в которых даны два женских портрета <...>. Оба рассказа написаны с безупречным бунинским мастерством: характерная художественная скупость писателя — ни одного лишнего слова, простота, правдивость образов. Особенно хорош «Мадрид», в котором углублена тема жалости к человеку.

А о зуровском «Аушвице» Н. Кодрянская писала следующее:

«Аушвиц» Зурова передает одну из трагических историй нашего времени. О германских лагерях смерти, о газовых камерах писалось немало, кажется, что всё уже знаем. Но рассказ Зурова нужно прочитать. Рассказ ведется от лица женщины, чудом вышедшей из гитлеровского лагеря смерти; в передаче Зурова он производит неизгладимое впечатление. Это подлинное свидетельство и исторический документ.

5

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 18 ноября 1945 г.

18 ноября 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила Ваше письмо. Эпизод с «Аушвицем» забудем, — понимаю, что это недоразумение. Здесь «Аушвиц» имел большой успех — во всяком случае.

В ближайшее время pošлю Вам посылку — 11-ти фунтовую. Теперь они быстрей доходят. Прежде можно было посылать только «заказные».

Хорошо было бы, если б Вы написали о журнале. Не думаю, чтоб Ладинский обиделся¹. Ведь была уже рецензия — Даманской². Ее сократили до неприличия: получилась скучная заметка. Я борюсь за существование «Новоселья», как могу.

Здесь в смысле печатания всё обстоит весьма непросто. Но самое главное и *самое* трудное это сохранить «линию». Это, кажется, удалось провести. Жду присылки обещанного Вами рассказа.

От души желаю всего, всего наилучшего. Мой муж Вам кланяется.

Ваша Pregel-Breyner

Привет Вере Николаевне и Ивану Алексеичу.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 8–8 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Антонин Петрович Ладинский (1896–1961), поэт, прозаик, литературный критик. В 1946 г. взял советский паспорт, в 1950 г. был выслан из Франции и в течение пяти лет жил в ГДР, работая корректором в бюро переводов на заводе советского акционерного общества «Кабель». В 1955 г. вернулся в СССР. Некролог Ладинского в парижской эмигрантской печати принадлежит О. Кожевниковой (см.: [Кожевникова 1961]). Через две недели после его смерти Прегель писала советскому литературоведу П.Л. Вячеславу (письмо от 19 июня 1961 г.):

Расстроена смертью Ант. Петр. Ладинского. Он был моим старым приятелем и одним из постоянных сотрудников «Новоселья» [Прегель 2000, с. 157].

«Старый приятель» Ладинский широко представлен в послевоенном «Новоселье» как рассказами («Сотник из Капернаума», 1945. № 22/23. Ноябрь–дек. С. 22–29; «Саломея», 1946. № 27/28. Июль–авг. С. 22–31; «На римских табличках», 1947. № 35/36. Июль–авг. С. 48–55; «Смерть Юлиана», 1949. № 39/41. С. 87–94; «Анна Ярославна и ее мир», 1950. № 42/44. С. 156–163), так и стихами (двухчастный «Лирический театр», 1946. № 24/25. Февр.–март. С. 21–22; «Роза и мотылек», «Тихая жизнь», «Памятник», 1948. № 37/38. С. 42–43).

² Рецензия А. Даманской (подписана А.Д.) на «Новоселье» появилась в № 35 «Советского патриота» от 22 июня 1945 г. (С. 3). В ней говорилось:

Было приятно раскрыть и читать дошедшую из Нью-Йорка книжку русского ежесюжника «Новоселье» — редактируемую поэтессой Софией Прегель.

Руководящее начало издания — мысль о России, обращенность к России — этот посыл редакции в полученной нами книжке оправдан больше всего двумя посвященными России статьями журналистов В. Сухомлина и Марка Слонима. В отделе художественном даны преимущественно образцы молодой американской литературы в русских переводах. Стихи — три новые поэтессы — Татьяна Остроумова, Евгения Маркова, Кроткова. Две поэмы Софии Прегель «Смерть Варшавы» и «Мадьярская степь».

<...>

Державу-освободительницу с ликованием приветствовали, как нам известно, балканские страны. Это было завершение стихийного процесса тяготения к России, и Советский Союз выполнил историческую миссию России — освобождение славян. Марк Слоним, как и В. Сухомлин в горячо написанной статье «Свое и чужое», по-видимому, обращается и к таким читательским группам в Америке, каким приходится еще доказывать торжество России, и этим объясняется полемическая страстность тона одной и другой статьи.

Москва выступила на международной арене как покровительница и носительница освободительных идей. У нее нет головокружения от успехов, и требования, которые она выставила в своей внешней политике, далеки от приписываемого ей империализма.

М. Слоним отмечает особый смысл возвращения России в Европу — «великой державы — осененной моральным престижем».

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 19 декабря 1945 г.

19 декабря 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила «Петроградскую ночь». С радостью помещу ее в «Новоселье». Не очень-то люблю главы из романов, но *эта глава* имеет большую ценность сама по себе¹.

Думаю, что Вы можете смело послать мне и *большой* рассказ! Если в нем 20–25 стр<аниц> — помещу его в удвоенном номере журнала. Актуальный материал необходим.

Вам я посылаю сразу две посылки. Маленькую (express) получите недели через 3–4. А большая (11-ти фунтовая) идет сравнительно долго. Поэтому Вы еще не получили костюма —

Но зато насколько выгоднее *во всех смыслах* посылать большие посылки.

Спасибо за доброе намерение написать рецензию. Полагаю, что Вы привели его в исполнение².

Парижские дразги меня не удивляют. Нервы поистрепались —

К счастью, я в стороне от здешних *дел*. «Новоселье» имеет свою линию и свою «репутацию» —

Со *всеми* здешними журнала<ми> — ничего общего.

От души желаю Вам счастливого Нового года. Привет Вере Николаевне и Ивану Алексеевичу.

Ваша

Pregel-Breyner

Мой муж Вам кланяется.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 9–9 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ «Петроградская ночь», глава из романа «Зимний дворец», как уже было сказано во вступительной статье, опубликована в удвоенной 24/25-й книжке «Новоселья» за февраль–март 1946 г. (С. 3–9).

² Намерение Зурова написать рецензию на «Новоселье» осталось неосуществленным.

7

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 19 февраля 1946 г.

Нью-Йорк, 19 февраля 1946 года

Дорогой Леонид Федорович,

Из-за поломки линотипа «Новоселье» с главой из Вашего романа¹ выйдет только в конце этой недели. Отправила Вам вчера посылку с различными мясными консервами и рисом. Ирина Яссен² мне сообщила, что Вы собираетесь прислать мне новый материал. До сих пор еще ничего не получила. Здесь всё те же пауки в банке, что и в Париже, но надо делать свое дело и не обращать внимания на ближних. За последнее время были очень приятные отклики с нашей родины.

С самым искренним приветом
Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 10. Машинопись, автограф-подпись, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ См. примеч. 1 к предыдущему письму.

² См. примеч. 2 к письму № 4, от 22 октября 1945 г.

8

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 3 марта 1946 г.

3 марта 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила Вашу статью. Чрезвычайно интересная. Пойдет в след<ующий> номер «Новоселья»¹. Постараюсь устроить ее в амер<иканском> журнале. Родина наша сейчас не слишком здесь «en vogue»². Запросила неск<олько> изданий. Если кто-либо заинтересуется, дам перевести статью. Если это не клонет, буду искать других путей!³

Отправила Вам посылку express. В ней мыло (2 куска), 4 пакетика бритв<енных> ножей, 2 пак<ета> конфет, 3 пак<ета> супов и 2 банки с мясными консервами.

Прилагаю при сем официальное письмо, о кот<ором> Вы просили. Ирине Яссен сказала относительно книжки — она Вам уже послала ее⁴.

От Б.Г. Пантелеймонова получила письмо и уже ответила ему⁵.

Читали ли Вы в парижской газете гнусные нападки на моего брата⁶. Он, конечно, привлек их к ответственности за клевету. В других органах печати во Франции появились о нем восторженные статьи. Дело в том, что его научная работа и вся

его деятельность, выдвинувшая его в первые ряды, не по вкусу темным силам — частично исходит клевета от канадской фирмы, кот<орая> должна Б<орису> Ю<льевичу> крупную сумму и всеми «способами» уклоняется от уплаты долга —⁷

От души желаю Вам, милый Леонид Федорович, всего, всего хорошего. Мой муж Вам кланяется.

Искренне Ваша

S. Pregel-Breyner

<на первой странице над датой и обращением>

P.S. Получили ли Вы 24–25 ном<ер> <<Новоселья>>? Ваша глава имеет большой успех!

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 11–11 об. Автограф.

¹ Речь идет об очерке Зурова «Синодик», напечатанном в 26-й книжке журнала за апрель–май 1946 г. (С. 85–94); в нем рассказывалось о варварском уничтожении нацистами русских религиозно-архитектурных памятников.

² В почете, популярна (*фр.*).

³ Похоже, что желающих напечатать статью Зурова в американских изданиях не нашлось.

⁴ Речь, по всей видимости, идет о каком-то одном из поэтических сборников И. Ясен — «Земной плен» или «Дальний путь».

⁵ Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888–1950), прозаик, издатель, химик. Его имя вспыхнуло на небосклоне эмигрантской словесности в послевоенный период, когда немолодому уже писателю-дебютанту оставалось жить совсем не долго. Поддержанный И. Буниным, А. Ремизовым, Н. Тэффи и Г. Адамовичем, разглядевшими в нем крупный и своеобразный талант, Пантелеймонов во второй половине 1940-х гг. издает книгу за книгой своих рассказов: «Зеленый шум» (1947), «Приключения дяди Володи» (1947), «Звериный знак» (1948), «Золотое число» (1949) — все изданы в Париже. С высокой оценкой его творчества Н. Тэффи дважды появлялась на страницах «Новоселья» (см.: [Тэффи 1948, 1950], а также: [Бицилли 1949]). Сам Пантелеймонов представлен в «Новоселье» следующими произведениями: «Родное» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 56–60), «Молодые глаза» (1947. № 33/34. Апр.–май. С. 76–94), «Страшная книга» (1948. № 37/38. С. 44–54), «Чудородные» (1949. № 39/41. С. 36–46), «Мы жили с Вагнером» (1950. № 42/44. С. 54–62). «Последняя книга» Пантелеймонова, вышедшая посмертно, в 1952 г., в нью-йоркском Издательстве им. Чехова, встретила восторженный отклик современников.

Пантелеймонов знал Ремизова, Бунина, — говорилось в рецензии на нее в журнале «Грани». — У обоих учился. Есть у него и тонкое мастерство в языке и стиле, иногда и необычная художественная простота. Много своего, настоящего. Прежде всего захватывающая молодость, свежесть, хотя Пантелеймонов начал писать поздно, под самый конец своей жизни. Поэтому и не развернулся, не раскрылся, не дал всего, что мог. А за «Последнюю книгу» — спасибо! [Арсеньев 1953, с. 150].

⁶ Борис (Бер) Юльевич Прегель (1893–1976), ученый-физик, историк науки, предприниматель, композитор, общественный деятель, меценат (см. о нем: [Из переписки Залкина с Прегель 2004]).

⁷ После бегства из Франции в 1940 г. и переселения в США Б.Ю. Прегель вместе с братом Александром Юльевичем (1907–1998) создал компанию «Canadian Radium and

Uranium Corp.» и стал ее президентом. Компания занималась поиском и разработкой урановых месторождений на севере Канады, а позднее в американском штате Колорадо. Одновременно он являлся агентом компании «Canadian Eldorado Mining Refining Co.», которая обеспечивала ураном Манхэттенский проект по созданию атомной бомбы. С разрешения американского и канадского правительства, некоторое количество урана было в годы войны продано в Советский Союз. В марте 1945 г. Canadian Foreign Exchange Control Board начал слушание по делу о финансовой деятельности Прегеля, и хотя в ней не было найдено никаких отклонений от закона, ему пришлось выплатить гигантскую сумму по ряду юридических актов (по-видимому, с этим и были связаны «гнусные нападки» парижской прессы, о которых пишет София Юльевна). Несмотря на то что деловая карьера Б. Прегеля продвигалась в эти и последующие годы достаточно успешно, американская пресса не упускала случая и в будущем напоминать ему о торговой сделке с Советами, см., например, в еженедельнике «Time» (Uranium Unlimited // Time. 1950. Vol. LV, № 11. March 13. P. 84), где говорилось о том, что, несмотря на всю свою одаренность в других областях, он «has a special talent for bad publicity» («имеет особую способность создавать скверную рекламу»).

9

Л.Ф. Зуров — С.Ю. Прегель

Париж, март 1946 г.

<Март 1946>

Дорогая Софья Юльевна, очень был обрадован, получив Ваше письмо, счастлив, что у Вас всё идет прекрасно. Я поделился содержанием Вашего письма с друзьями и знакомыми. Они все довольны и шлют Вам привет. Журнала еще не получил. Спасибо за удостоверение и сообщение о том, что моя статья наконец-то до Вас дошла и Вам понравилась: я боялся, что она запоздает, а послал ее заказным письмом потому, что на почте за воздушное письмо спросили 110 франков. Пусть не сетует на меня за молчание Ирина Самойловна <Чеквер>¹ — я ей полмесяца тому назад послал большое заказное письмо и открытку, надеюсь, что она всё получит, хотя и с опозданием, сейчас же пришла ее книжка стихов², и я ей сегодня же ответил.

У меня к Вам большая просьба. Рукопись «Зимнего Дворца» лежит у меня на столе (если можно эту высокую табуретку назвать письменным столом). До сих пор занятый сдачей археологических материалов, я и не пытался устроить ее куда-либо, найти переводчика, во-первых, потому, что над ней надо еще немного поработать — почистить, местами сократить, перепечатать набело. На русское издание, рассчитывать, конечно, невозможно, значит, нужно попытаться ее перевести на иностранные языки. За это время я опубликовал лишь несколько отрывков — в газете, во «Встречах», у Вас³. Задержка с опубликованием вещи действует на мораль отвратительно и замедляет дальнейшую литературную работу, но для того, чтобы роман двинуть, его нужно привести в порядок, засесть за него, но для этого мне нужно около двух месяцев поработать над книгой, ничем посторонним не отвлекаясь (рукопись приблизительно насчитывает 450 страниц). Для работы над книгой мне необходимо иметь на руках десять тысяч франков. Не мог бы Ваш журнал ссудить мне для этой работы аванс в десять тысяч?> Вы знаете по совместной

работе мою точность — уверяю Вас, что если даже, паче чаяния, найти издателя сразу и не удастся, то взятую у Вас займы сумму я быстро погашу литературным материалом. Скоро выйдет «Парижский Сборник», в нем будет напечатан отрывок из «Зим<него> Дворца»⁴, за который я получил 4000, по этому отрывку Вы можете судить и о романе. Это художественное произведение, вся книга — это три дня — 24, 25 и 26 октября — фронт, Петроград, Зимний, Мариинский, приход к власти Советов, Смольный и начало Пулковских боев. Материал я собирал еще до войны, пользовался советскими источниками и зарубежными, книгу писал в самые тяжелые годы оккупации. Друзья и знакомые говорят, что она, если ее перевести на английский, то она будет иметь несомненный успех в Америке, так как такой книги еще не появлялось в печати. Мне недавно передали, что М.А. Алданов устраивает перевод романа Зайцева⁵, и я решил похлопотать о своей книге не перед Алдановым, а обратиться к Вам и Вашим друзьям с просьбой найти для «Зимнего Дворца» хорошего переводчика и издателя. Если бы это случилось<сь>, я воспрянул духом, немедленно горячо взялся бы за дело и начал бы Вам высылать для переводчика роман большими кусками. Из этих вещей Вы могли бы делать выборки для Вашего журнала — там есть цельные самостоятельно живущие главы. Друзья, которым я показывал свою рукопись, считают, что впоследствии, даже может быть очень скоро, мой роман может быть напечатан и на родине, считаю также, что из него можно будет сделать сценарий. Кроме того, может быть, можно пропустить отдельные главы в американской печати, тогда первым долгом, конечно, я погашу свой аванс⁶.

Так вот, милая Софья Юльевна, с нетерпением буду ждать Вашего ответа. Передайте мой сердечный привет Вашему мужу и Ирине Яссен. Желаю добрых творческих дней и хорошей работы.

Если Вы согласны, то напишите, как лучше посылать рукопись — по почте или с оказией. Аванс хорошо было отправить мне тем же путем, как М<ария> С<амойловна Цетлина>⁷ посылает И<вану> А<лексеевичу> Бунину⁸.

Если я развяжусь с этой книгой, это мне даст возможность сразу же взяться за вторую, которая у меня лежит в грубом черновике — это <<>Москва<>>.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 7. Машинопись. Датируется по содержанию.

¹ Зуров забавно «скрещивает» литературное имя с подлинным отчеством Яссен-Чеквер.

² См. примеч. 4 к предыдущему письму.

³ Фрагменты из «Зимнего дворца» печатались в газете «Русский/Советский патриот»: «Семнадцатый год: Глава из нового романа “Зимний Дворец”» (1945. № 11 (24). 6 января. С. 6–7) и «Зимний Дворец» (№ 55. 9 ноября. С. 4); в двух выпусках сборника Объединения русских писателей во Франции «Встреча» (Париж), вышедших из печати соответственно в июле и ноябре 1945 г.: в 1-м — «Петрополь (отрывок из романа)» (С. 22–23; в оглавлении назван «Петрополис»), во 2-м — «Дорога (отрывок из романа “Зимний Дворец”» (С. 10–12); в «Русском сборнике» (Париж. 1946. № 1. С. 70–86) был помещен отрывок под названием «Астория»; об отрывке, появившемся в «Новоселье», несколько раз говорилось выше, см., в частности, примеч. 1 к письму № 6, от 19 декабря 1945 г.; позднее в этом же журнале увидела свет «Дворцовая площадь» (1949. № 39/41. С. 76–82; в статье о Зурове в литературной энциклопедии «Писатели русского зарубежья (1918–1940)» (М.: РОССПЭН,

1997. С. 193) «Новоселье» в данном случае перепутано с «Новым журналом»); после смерти автора одна из глав, под названием «Первый, второй», была опубликована М.Э. Грин в «Новом журнале» (1972. № 108. С. 5–12).

⁴ Имеется в виду «Русский сборник», указанный в предыдущем примечании.

⁵ Усилия М. Алданова, если таковые имели место, успеха не принесли: при его жизни из произведений Б. Зайцева на английский язык был переведен только роман «Анна» (1-е изд. на русском языке — 1929), но это случилось еще до Второй мировой войны, см.: [Zaitsev 1937].

⁶ Роман Зурова, не заверченный и на русском языке (рукопись хранится в LRA. MS. 1068/441–722), на английский язык не переводился.

⁷ Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина; в первом браке Авксентьева; 1882–1976), общественный деятель, издатель, меценат; жена одного из основателей «Нового журнала» Михаила Осиповича Цетлина (1882–1945); мать Александры Николаевны Прегель (урожд. Авксентьева; в 1-м браке Болотова; 1907–1984), жены Б.Ю. Прегеля.

⁸ Первое время после смерти мужа М.С. Цетлина продолжала заниматься делами «Нового журнала», в котором печатался И.А. Бунин.

10

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 27 марта 1946 г.

27 марта 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

По поводу Вашего романа говорила с издателем? елями?», а также с переводчиками. Здесь всего неск

- о
- л
- к
- о

признанных переводчиков. Работают они в больших издательствах и при желании могут протолкнуть книгу.

Есть два способа устраивать романы:

1) Дать издателю одну переведенную главу, а также *резюме* всего романа по-английски;

2) Показать весь роман в законченном виде.

Второй способ — правильный (*по главе* почти никогда не принимают). Готова была перевести ее на свой счет, но мне отсоветовали начинать эту процедуру. Кроме расходов, она ничего бы не дала.

Итак, Вам надо кончить роман, а потом уже послать сюда копию, которую покажем кому надо.

«Новоселье» авансов не дает (дать не может, вернее), т. е. существует оно чудом и только благодаря моему упорству.

Но я постараюсь раздобыть сумму, о которой Вы пишете. Главное, найти способ передать. Очень хочу помочь Вам закончить роман. Напишу, как только всё налажу.

Искренне и дружески Ваша

S. Pregel-Breyner

P.S. «Новоселье» с рассказами Ивана Алексеевича и Вашей статьей выйдет в двадцатых числах апреля¹.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 12–12 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ В 26-й книжке «Новоселья» за апрель–май 1946 г. под общим названием «Краткие рассказы» были напечатаны три бунинские прозаические миниатюры: «Красавица», «Дурочка» и «Гость» (С. 3–8).

11

С.Ю. Прегель – Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 19 апреля 1946 г.

19 апреля 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

С письмом Романа Самойловича Тумаркина¹, кот<орое> при сем прилагаю, пойдете к Борису Петровичу Маги²; Вы получите от него *то*, о чем Вы меня просили. Его адрес:

Mr. Bernard Magui
21 bis, rue de Paradis
Paris (X-e)

Его домашний адрес: 15, rue Raynouard, Paris.

Бесконечно рада, что мне удалось услужить Вам. Через некоторое время отправлю 11-фунтовую посылку.

26-й ном<ер> выходит на днях. Немедленно пошлю его Ивану Алексеевичу и Вам.

Жаль, что «Новоселье» так *слабо* поддерживают. Мне игра самолюбий давно надоела. Если б считалась с этим, «Новоселье» приказало бы долго жить.

Надеюсь, Вам удастся в спокойствии закончить роман.

От души желаю Вам всего, всего хорошего.

Дружески Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 13–13 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Роман Самойлович Тумаркин (1888–1971), предприниматель; брат М.С. Цетлиной.

² Борис (во Франции: Бернар) Петрович (собст. Пейсахович) Маги (собст. Магидович; 1892–1952), предприниматель, меценат, масон. В.Н. Бунина писала Н.В. Кодрянской о его смерти (письмо от 16 июня 1952 г.):

Смерть Маги огорчила меня. Вы знаете, я его ценила, и мне он казался очень привлекательным человеком. Похороны были многолюдны, человек четьреста, я не была, был Леня. Оба мы никогда из дому не отлучаемся. <Борис> Прегель читал молитву над его гробом (НИОР РГБ. Ф. 503. К. 3. Д. 11. Л. 3).

12

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 9 мая 1946 г.

9 мая 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила Ваше письмо-подтверждение. Рада, что Вам понравился Борис Петрович <Магидович>. Отправила Вам вчера 11-ти фунтовую посылку. В ней масло сливочное, мед, молоко, шоколад, сушеные фрукты, конфеты (леденцы), папиросы и еще всякая всячина.

Попрошу также Ирину Яссен послать Вам продукты. Вы должны теперь думать о своем здоровье. «Синодик» всех потрясает¹. Одна читательница так зажглась, что написала по этому поводу о немцах и прочем.

Здесь читатели пишут, не то что в Европе. Особенно трогательны письма простых людей. Один чудак в своих посланиях упорно называет меня «София Ласточка»...

Как Вы правильно отметили, настоящей поддержки журнал не имеет.

Это обидно в общем.

В след<ующем> номере (27–28) не сумею поместить главу из романа, т. к. будет уже одна — ремизовская². 2 главы в небольшой книге — *c'est trop*³.

В 29-ом можно будет поместить главу, если не набезит *рассказ*⁴ — через некоторое время напишу об откликах на Вашу статью.

Пока желаю всего, всего хорошего.

Дружески Ваша

S. Pregel-Breyner

Сергей Ник<олаевич Брейнер> шлет привет.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 14–14 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ См. примеч. 1 к письму № 8, от 3 марта 1946 г.

² В сдвоенной 27/28-й книжке «Новоселья» за июль–август 1946 г. был напечатан отрывок, названный А. Ремизовым «Чародеи», и с подзаголовком «Из повести “Очарование”» (С. 3–19).

³ Это чересчур (*фр.*).

⁴ В сдвоенной 29/30-й книжке «Новоселья» за октябрь–ноябрь 1946 г. был напечатан рассказ Зурова «Обитель» (С. 35–54).

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 2 июля 1946 г.

2 июля 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила открытку Вашу, а рукопись еще не пришла —
Вероятно, получу ее в ближайшее время — Сообщу Вам об этом немедленно.
Если у Вас (в дальнейшем) не будет денег на «air mail»¹, Вы можете всегда передать рукопись Василию Васильевичу Сухомлину² — он отправит.

Не знаю, как отнеслась Ирина Яссен к рецензии Адамовича³ — Не видела ее, т. к. уезжала в Саратогу⁴ (здесьний Ваттенс⁵). Она живет на даче — Постараюсь успокоить ее: это на тот случай, если рецензия *дошла* и огорчила ее.

На будущей неделе отправлю Вам посылку, в кот<орую> опять вложу папиросы.

От души желаю всего, всего хорошего.

Дружески Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 15–15 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ «Воздушная почта» (*англ.*).

² См. примеч. 5 к письму № 2, от 7 августа 1945 г.

³ Речь идет о рецензии Г.В. Адамовича на несколько новых поэтических сборников: «Новые стихотворения» Г. Раевского (Париж, 1946), «Дальний путь» И. Яссен (Нью-Йорк, 1946) и «Избранные стихотворения» В. Брюсова (Москва, 1945) [Адамович 1946]. В части, посвященной «Дальнему пути», говорилось следующее:

Впечатление от сборника Ирины Яссен — новое имя — двойственно. Никак нельзя назвать этот сборник пустым. Но автор еще совсем мало опытен, и если когда-нибудь суждено ему стать поэтом, он, вероятно, вспомнит о «Дальнем пути» как о пробе пера ошибочно.

У Ирины Яссен есть, как говорится, «данные». Бесспорно, есть. Но дурную службу со-служит ей тот, кто отдалается в отзыве о ее книге комплиментами. Ирине Яссен надо бы подумать о поэзии, а не только поэзией заниматься! Ей надо бы понять, что такие строчки, как:

Времена великих потрясений,
Грандиозных сдвигов
Роковой борьбы... —

со словесным творчеством ничего общего не имеют. Или почувствовать, убедиться, что такие стихи, как:

Восторженность горит звездой
В тайном искуплении греха —

как бы ни казались значительны, не значат ровно ничего. Подождем следующей встречи с Ириной Яссен, — и как бы ни был долог срок, подождем с доверием и надеждой. Едва ли доверие и надежды будут обмануты.

⁴ Саратога-Спрингс — курортный городок на востоке штата Нью-Йорк, славящийся своими минеральными источниками.

⁵ Ваттенс — горный курорт в Австрии (Тироль).

14

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 18 июля 1946 г.

18 июля 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Прилагаю письмо, кот<орое> вчера для Вас получила. Уже в прошлом письме подтвердила получение Вашего *прекрасного* рассказа¹.

15-го <июля> отправила Вам посылку. В ней: шоколад, сосиски, чай, бульон в кубиках, варенье, мед, *жир*, паштет печ<еночный>, сушеные фиги, изюм, леденцы, ирисы, папиросы (3 пакета)... Надеюсь, всё это придет в хорошем состоянии.

Ирина Яссен на даче, не видела ее, т. к. была занята экспедицией 27–28-го номера журнала —

От души желаю Вам всего, всего наилучшего —

Искренно Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 16–16 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Или письмо не сохранилось, или Прегель ошибочно решила, что подтвердила получение зуровской «Обители» (по всей видимости, речь идет об этом рассказе), см. примеч. 4 к письму № 12, от 9 мая 1946 г.

15

Л.Ф. Зуров — С.Ю. Прегель
Париж, 18 сентября 1946 г.

18 сентября 1946 года

Дорогая Софья Юльевна,

Пользуюсь любезностью Сергея Николаевича¹. Посылаю Вам рассказ «Дагмарский Лес»². Он взят из романа, но об этом можно и не упоминать, так как впечатление создается цельное. Посылку Вашу, отправленную 15 июля, я получил. Премного благодарю — посылка прекрасная, всё дошло в полной целости и сохранности, папиросы курил с наслаждением. Сообщаю Вам, что у меня на руках имеется первосортный материал для «Новоселья». В августе, во время отдыха, я встретил молодую русскую женщину — политическую заключенную из лагеря

Равенсбрюк, и она мне рассказала много замечательного о жизни женского лагеря, а именно *то, о чем еще нигде не писали*. Это главным образом рассказы не о жестокости, а о человеческом немеркнущем свете, горевшем в сердцах некоторых заключенных, который позволил не только вынести и пережить издевательства и мучения, но помог и окружающим остаться людьми, побеждая страх смерти и огни крематория. Это рассказы о советских девушках, венгерских еврейках, славянках, о родившемся в лагере ребенке, которого заключенные спасли, о лебедях, прилетевших весной на болотистое прилагерное озеро, — и о многом другом³. Мне нравится, что Вы продолжаете печатать о лагерях, в то время как здесь с этим покончили и постарались всё это крепко забыть. Рассказ русской женщины особенно интересен именно потому, что он является прямой противоположностью рассказу Ирины Грэм по обилию внутренней силы и чистоты⁴.

О многом бы хотелось поговорить с Вами, но в письме всего не расскажешь. Мы (наша группа вместе с Бердяевым) в очень трудном положении в связи с литературными событиями, происшедшими на родине⁵. Всё же наша позиция* остается неизменной. Трудный для нас, зарубежных литераторов, начинается путь. Особенно труден он для меня. Но что же делать! Таков исторический перекресток. Обстановка вокруг чрезвычайно сложная.

Видел Тэффи, просил ее послать в «Новоселье» маленький рассказ. Она обещала⁶. Просит в гонорарную посылку вложить шоколаду⁷. Если Вам угодно, то в «Новоселье» будут сотрудничать: С.С. Оболенский (он пишет передовицы в <<Русских Новостях>> и работает в Совинформбюро), Величковский и С.П. Жаба (друг Фондаминского, член «Круга», журналист)⁸.

Летом я немного отдохнул под Парижем в общежитии, основанном Матерью Марией, жил там в общем дортуаре и купался в Марне⁹. Комнату свою городскую я потерял, проиграл процесс и переехал к Бунинам (sic) — они сдали мне комнату за 500 фр<анков> в месяц + газ. Сейчас работаю опять над романом. Я думаю, что Вам о парижских событиях многие написали.

Последний номер «Новоселья» произвел на всех прекрасное впечатление¹⁰.

Ваши стихи очаровательны¹¹. Хорош Ремизов¹² и Яновский¹³. Яновскому передайте, пожалуйста, от меня сердечный привет и благодарность за присланный табак. *Он очень вырос, хорошо и уверенно стал писать. Язык выправил.*

Желаю Вам добрых творческих дней. Целую Вашу руку.

Л. Зуров

P.S. Мы думаем здесь, в Париже, создать группу «Новоселье»: это единственный у нас журнал — нам надо крепко связать Париж с Америкой.

* Верность Родине¹⁴.

LRA. MS. 1068/3747. Машинопись.

¹ С.Н. Брейнер в сентябре 1946 г. посетил Париж.

² См. приложение к настоящей публикации.

³ По всей видимости, замысел Зурова в письменной форме так и не воплотился — не только среди его напечатанных рассказов, но и сохранившихся рукописей такой текст нам неизвестен.

⁴ Зуров имеет в виду рассказы-очерки писательницы и журналистки Ирины Александровны Грэм (1910–1996) «Мой первый день в Чапее» и «Весна в Чапее», напечатанные в «Новоселье» в 1946 г. — соответственно в 26-й книжке за апрель–май (С. 33–41) и двоянной 27/28-й за июль–август (С. 93–102); в них Грэм описала свое полуторогодовое пребывание в японском концлагере.

⁵ Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г., с которого в Советском Союзе началась послевоенная эпоха «закручивания гаек» и которое прозвучало предостерегающим сигналом для части просоветски настроенных эмигрантов.

⁶ Речь идет о рассказе Тэффи «Трагедия» (см. следующее письмо), напечатанном в двоянной 31/32-й книжке «Новоселья» за январь–февраль 1947 г. (С. 8–13).

⁷ Ср. в письме Тэффи И. Бунину от 3 января 1947 г., после получения «гонимой» посылки с шоколадом (об этой посылке Прегель пишет Зурову в следующем письме):

А Прегели платят шоколадом, притом отвратительным [Переписка Тэффи 2001, с. 533].

⁸ Журналист, общественный деятель Сергей Сергеевич Оболенский (1908–1980), поэт Анатолий Евгеньевич Величковский (1901–1981) и журналист, публицист Сергей Павлович Жаба (1894–1982), автор некролога Зурову в «Русской мысли» (1971. № 2863. 30 сентября. С. 7). Из перечисленных здесь Зуровым для сотрудничества в «Новоселье» авторов лишь А. Величковский однажды, в 37/38-й книжке, напечатал свои стихи: «Я иду под липами большими...», «Никто не пел, не говорил стихами...» (С. 76–77), см. письмо № 26, от 28 февраля 1948 г.

⁹ Речь идет о Русском доме в пригороде Парижа Noisy-le-Grand, основанном поэтессой и монахиней, участницей французского Сопротивления матерью Марией (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова; урожд. Пиленко; в 1-м браке Кузьмина-Караваева; 1891–1945).

¹⁰ Зуров говорит о двоянной 27/28-й книжке за июль–август 1946 г. После этой фразы до конца письма текст написан от руки.

¹¹ В этой книжке журнала были напечатаны два стихотворения Прегель — «Черноморский рассвет» и «В молельне» (С. 20–21).

¹² См. примеч. 2 к письму № 12, от 9 мая 1946 г.

¹³ См. примеч. 1 к письму № 3, от 25 сентября 1945 г.

¹⁴ Примечание Зурова.

16

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 2 октября 1946 г.

2 октября 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Спасибо Вам за Тэффи, получила ее чудесный рассказ «Трагедия»¹ и вчера отправила ей посылку, в кот<орой> преобладают шоколад и др<угие> сладкие вещи.

Также послала Вам посылку. В ней: масло сливочное, чай, кофе, варенье (большая банка), мед, сосиски, конфеты (леденцы), сушеное молоко, шоколад и

спец<иальные> консервы (рис с курицей), а также папиросы (3 пачки). Надеюсь, всё это дойдет в хорошем виде.

«Новоселье» с *Обителью* должно выйти через 8–10 дней приблизительно². Задержалось из-за отсутствия бумаги. Те авторы, кот<орых> Вы предлагаете для «Новоселья», с литературной стороны мне мало известны, поэтому ничего не могу сказать определенного. Хотела бы «*посмотреть*».

А Ваш рассказ — «Дагмарский лес», как всегда, очень хорош. В нем всё настоящее, нет и тени «фальши». С удовольствием его напечатаю в одном из ближайших номеров.

В след<ующем> номере (31-м) начинаю печатать замечательные воспоминания о Дранси³. Затем можно было бы пустить то, что Вы предлагаете. *Надо* продолжать писать об этом. Мир и так погряз в безразличии! Что же касается Вашей позиции — она более чем правильна. Другой быть не может!

От души желаю всего, всего хорошего

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 17–17 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ См. примеч. 6 к предыдущему письму.

² См. примеч. 4 к письму № 12, от 9 мая 1946 г.

³ Прегель ведет речь о воспоминаниях литературного и общественного деятеля Анны Морисовны Элькан (урожд. Абельман; 1899–1962) «Дранси — лагерь во Франции», напечатанных не в следующем номере «Новоселья», а через номер, в сдвоенной 33/34-й книжке за апрель–май 1947 г. (С. 122–130). Впоследствии А. Элькан выступила на страницах «Новоселья» еще с одним мемуарным текстом на ту же тему: «Лагерная жизнь» (1948. № 37/38. С. 123–129).

17

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 13 ноября 1946 г.

13 ноября 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Отправила Вам вчера посылку. В ней: масло сливочное, мед, варенье, леденцы, «ирисы», фиги сушеные, изюм, шоколад, кофе (Нестле¹, кот<орый> нужно просто заваривать), рис, папиросы (2 пак<ета>). Хочу думать, что всё это придет в хорошем состоянии.

Свой авторский экз<емпляр> «Новоселья» Вы, вероятно, уже получили. «Обитель» имеет большой успех. Посылаю вырезку из рецензии (Новое Русское Слово)².

Как видите, без «шпилек» не обошлось. Но хвалить все-таки приходится! А вот что пишет по этом<у> поводу проф. Владимир Симкович (sic) (изв<естный>

историк и экономист)³. «История монастыря — “Обитель”, — написанная в нарочито простой манере — на самом деле истинное произведение искусства...» (это я перевожу с английского)⁴.

От души желаю всего, всего хорошего. С<ергей> Н<иколаевич> шлет привет. О дальнейших откликах сообщу.

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 18–18 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Нестле — Nestlé S.A. (полное название: Nestlé Strategische Allianz) — известная швейцарская компания по производству продуктов питания.

² Речь идет о рецензии журналиста, фельетониста, поэта-сатирика, секретаря редакции «Новоселья» Михаила Константиновича Железнова (наст. фам. Айзенштадт; др. псевд. Аргус; 1900–1970) на 29/30-ю книжку «Новоселья», в которой о рассказе Зурова «Обитель» говорилось следующее:

«Обитель» Леонида Зурова — воспоминания о Печорах (Эстония), переплетенные с историческими справками. Впечатление эффектное и яркое. Но для чего Зуров как бы нарочито повторяет несколько раз, что князь Курбский «изменил царю и народу» <?> Явная уступка официальной советской оценке Грозного и отождествление Ивана с русским народом [Железнов 1947, с. 7].

³ Владимир Григорьевич Симхович (Vladimir G. Simkhovitch; 1874–1959), экономист, историк, коллекционер, профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

⁴ Установить источник не удалось.

18

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 22 января 1947 г.

22 января 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Позавчера отправила Вам посылку. В ней: масло сливочное, кофе, мед, мед (sic), варенье (разное), рис, чай, шоколад, папиросы. В посылку включила 1 пару теплого (шерстяного) белья и одну верхнюю рубашку. Надеюсь, всё получится в хорошем виде.

Александра Николаевна Мазурова взяла у меня Ваш адрес, собирается послать В<ам> пакет¹. Говорит, что она В<аша> фонетическая мамаша. (Мá-Зурова). Это *ее* определение.

Обидно, что Вам приходится работать в таких тяжелых условиях. Доколе, доколе?!²

От души желаю Вам всех благ.

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 20–20 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Александра Николаевна Мазурова (в замуж. Джордж; 1891–1960-е), писательница, литературный критик, журналист, мемуарист. Училась в балетной школе (по свидетельству В. Пяста, «ученица танцовщицы-босоножки Ады Корвин», см.: [Пяст 1997, с. 134]), окончила Бестужевские курсы. Бывала в доме Блоков (ее мать, О.А. Мазурова (Желябужская), дружила с матерью и теткой А. Блока) и упоминается в дневниках поэта, см., например, запись от 6 июля 1918 г.: «Аля Мазурова с мужем едет в Америку» [Блок 1965, с. 415]. В «Новоселье» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 129–136) выступила с воспоминаниями о Блоке «Оставшийся там: (К 25-летию со дня смерти Александра Блока)».

² После войны Зуров вместе с В. Варшавским служил ночным сторожем в гараже американских квакеров в Буживале (см. в письме № 19, от 2 февраля 1947 г., в котором Прегель пишет Зурову о квакерской организации, куда она обратилась, чтобы ему помочь), о чем свидетельствует ряд источников, см., например, запись в дневнике В.Н. Буниной от 2 декабря 1946 г.:

Леня <Зуров> третью ночь сряду дежурит. Он нанялся сторожем в гараж, где служит Володя Варшавский. Для защиты у них 2 дубинки и собака, которая не лает [Устами Буниных 1982, с. 184].

Или в письме Зурова к Р. Чеквер от 23 июня 1947 г.:

До окончания работы осталось две недели. Квакеры закрывают свой гараж и ликвидируют свой парижский центр. Окончанию работы я рад (ВА. R. Chekver papers. Vox. 3).

Этот биографический факт запечатлен также в романе В. Варшавского «Ожидание» (1972), в котором Зуров выведен под именем Жоржа [Хазан 2011, с. 187].

21 декабря 1946 г. Прегель писала В.Н. Буниной:

Дорогая Вера Николаевна,

Получила Ваше письмо и много над ним думала. Хотелось бы помочь Леониду Федоровичу. Он должен работать над своим романом (и не в гараже!).

Издать его роман следует, конечно, в Париже. В Нью-Йорке условия печатания трагические. С переходом на мирное строительство качество работы не изменилось. А цены всё растут.

Интереса к литературе в США — никакого. (Я говорю о «русской Америке».) Не стоит себя обманывать. «Новоселье» с трудом завоевало себе друзей. Здешняя публика крайне недоверчива. Не мудрено — ее часто обманывали проходимцы, выдававшие себя за литераторов.

Но вернемся к главному. После Н<ового> Г<ода> встречусь с Ириной Яссен, и мы обсудим, что можно сделать для Л<еонида> Ф<едоровича> (Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 19–19 об.).

19

Л.Ф. Зуров — С.Ю. Прегель
Нью-Йорк, 2 февраля 1947 г.

2 февраля 1947 г.

Дорогая Софья Юльевна, пишу Вам, вернувшись с ночного дежурства. Слава Богу, морозы кончились, а то руки опухли и до крови потрескались от топки рас-

каленной печи и холода, царящего в гараже. Спасибо за милое письмо, доброе отношение, отправленную посылку. Мазуровой, пожалуйста, передайте мой сердечный привет и благодарность. Скажите ей: земля по-фински и эстонски — ма, т. е. мать, Россию они называют Венема, т. е. земля Вене, а Зур (имя Зурислав) встречался в древности на славянском балтийском поморье.

«Новоселье» получил¹. Книжка составлена превосходно, но вот о статье Слонима² мне хотелось бы с Вами как редактором сборника откровенно поговорить — и будет хорошо, если Вы эту часть письма прочтете Марку Львовичу. Признаться, я никогда не отвечал критикам, — да и то надо сказать: критика была корректна, а вот Слониму я отвечаю, так как его статья не только меня, но и многих литераторов (после всего пережитого нами в то время, когда мы с величайшими трудностями в неимоверных условиях продолжаем работать) оскорбила. Меня поразила его безапелляционность и глубочайшее невнимание. Начну с разбора моих «воспоминаний»³. «Зуров вспоминает о Петрограде августа 1917 года (Астория). Как и в других отрывках автора о той же эпохе...» Конечно, ежели другого слова и определения художественного творчества у рецензента нет, то вся литература, за исключением фантастических романов, для него обратится в воспоминания. Что же это, нарочно Слоним так пишет или же, пожертвовав мною, он решил заострить актуальную тему, или же он даже не удосужился помещенную в сборнике главу прочитать<?>. Чтобы пристегнуть меня к воспоминающим (к старому начинающему Пантелеймонову, хотя и в его воспоминаниях я не вижу греха⁴), Слоним не поцеремонился — главу из романа «Зимний Дворец» превратил в воспоминание (хотя автору в то время было 13 лет, Астории он никогда не видел, а жил и учился в уездном городе Псковской губернии, где Октябрь и пережил), знаменательный вечер 24 октября, один из последних вечеров перед переворотом, Слоним решил превратить в августовский (хотя о том, что это октябрь и вечер именно 24 октября, в главе упомянуто), для удобства главу превратил в самостоятельный отрывок и, пользуясь этим, заклеил «длительное описание среды и социальной обстановки», хотя это-то длительное описание среды и обстановки именно и входило целиком в замысел автора, вот как и это «многословие, усугубляемое слишком частыми повторениями». (Слоним, очевидно, решил, что он имеет дело с литературным новичком, а не с литератором, который, когда ему нужно, умеет быть кратким и точным.) А потом, подумайте, какие он мне шлет из-за океана советы. «Вместо того, чтобы выбрать типические образы и построить описание на немногих характерных и ярких деталях...» Нет, отвечаю я, описание у меня построено на многих характерных для этой социальной среды деталях. Боже мой! «Хорошо подмеченные отдельные штрихи», да разве теперь так пишут, ведь эти «хорошо подмеченные штрихи» равны «огонькам, которые подмигивали», «деревьям, которые шепчутся между собой». И это написано о главе, в которой в первый раз показана офицерская среда тылового Петрограда накануне Революции, о главе, в которой, по авторскому замыслу, идет особое действие — вот это кружение, болтовня, великолепное позванивание шпорами.

Что же это? Тоже великолепная небрежность, поверхностное скольжение или же просто неуважение к «молодым», которых критик берет в кавычки⁵, иронизи-

руя. Он, очевидно, считает себя вправе иронизировать — сойдет, ничего не ответят, мало ли чего они за эти эмигрантские годы не переносили. Нет, Марк Львович, всё то кончилось. И мы требуем от Вас ответственности за каждую напечатанную Вами строку. Неужели же это всё, что Вы смогли нам сказать после долгой разлуки <?> И довоенное, когда-то очень для зарубежья удобное деление на старых и молодых, и обязательные кавычки, и обязательная ирония «приближаются к весьма к (sic) почтенным годам», но и Вы приблизились к этим годам, уважаемый Марк Львович, но почему Вам так весело и почему Вы, приблизившийся к этим роковым годам, ничего не желаете в своих рецензиях углублять, да еще и высказываетесь против чужого художественного самоуглубления (что весьма странно и удивительно) и не желаете даже подумать о том — чего стоили проведенные в тяжелых условиях годы в отрыве от народа, языка и русской стихии. Но Вы об этом как будто и знать не хотите. Для Вас прошлого как будто и нет. И, конечно, снижение тона, когда Вы спускаетесь этажом ниже и попадаете в чистилище. А потом замечательное: «<Д>ругие не совершают этой попытки». О каких попытках идет речь? Какие требования Вы предъявляете писателям, ознакомившись с материалами, опубликованными в случайно вышедшем альманахе. То Вы «не собираетесь» требовать отражения современности», а то затребуете. И дальше: «поколение, выросшее за рубежом, лишено корней». А потом изумительное откровение: «русские парижане во время войны и немецкой оккупации на всё происходящее во Франции взирали, как иностранцы, на события в России, как изгои». Какое право и основание имел право (sic) Слоним так писать! На какие он опирается факты? Где он этих парижан видел? Видите ли, он взял и разделил русских парижан, а вместе с ними, <о>чевидно, и всю эмиграцию (и при этом разделил с легкостью изумительной) на тех, кто кровно эти страшные годы пережил и все испытал, и на тех, кто ничего не пережил и не почувствовал, а просто, очевидно, как медведь зимой пролежал эти годы, сося лапу, в теплой берлоге, равнодушный к потокам крови и к страданиям и жертвам своего родного народа и народа европейского. Нет, дорогой Марк Львович, таких не только в литературной среде, но и в рядовой эмигрантской среде не было. Так безответственно писать Вам нельзя. В русской среде в эти годы были герои, мученики, подвижники, верные Родине и приютившей их Франции люди, а наряду с ними, конечно, как и во французской среде, предатели и спекулянты, наживающиеся на чужих страданиях люди, злорадствующие и проклинаящие, но вот, честно говоря, ни одного равнодушного в русской среде я за эти годы не видел. Нет, тут тему-то Вашу, Вами затронутую, углубить было нужно, а если бы Вы начали ее углублять, то и подняли бы много серьезнейших, новых вопросов, связанных с прошлым, с историей Революции и с историей Гражданской войны, и тогда бы, думаю, и моя глава «описания среды и социальной обстановки» не показалась бы Вам чуждой, ибо в Париже действовала в эти годы среда, средь которой были люди, покинувшие 24 октября гостиницу Асторию.

А потом: «я устанавливаю факт». А позвольте спросить: на чем он основан? «Лишь очень немногие из парижских поэтов и прозаиков ощутили боль и кровь, ужас и порыв этих лет с той силой и интенсивностью»... (забывая, что очень часто именно после серьезнейших и глубочайших переживаний люди о том, что

пережили, долго молчат) («которая предшествует естественному и свободному творческому акту и создает непреодолимую потребность художественному воплощению»). Художественное воплощение дело серьезное и ответственное, а главное, о чем никогда не надо забывать, — дело органическое: тем-то оно и отличается от очерков и воспоминаний, которые, действительно, люди пишут вскоре после пережитых событий. Да и то не все пишут. А потом слова: «я совершенно не собираюсь требовать», а на следующей странице «они бы выразили». «Они уходят в воспоминания, в самоуглубление», в «бегство от жизни». А в начале статьи М<арк> Л<ьвович> написал: «но в действительности воспоминаниям предаются Зуров или Пантелеймонов». Это обращено, значит, непосредственно ко мне. Да, я совершил бегство в Октябрь — ибо о нем я «вспоминал» в эти страшные годы, а именно о том, как я молодым офицером (как и в других отрывках) «с фронта ехал в Петроград, попал в Асторию, заседал в Мариинском Дворце, брал с матросами Зимний и шел с петроградскими рабочими ночью под <П>улково, дрался у Никитских ворот, хоронил своих на братском кладбище и под кремлевской стеной. Да, признаться, за это время пришлось основательно самоуглубиться и в с<в>язи с этим многое углубить, а в то время я зарабатывал, чтобы жить и писать — работал тяжелой киркой, потеряв 23 кило, занимался сапожным мастерством, а за столом у меня ежедневно сидели тайком пробиравшиеся ко мне советские солдаты из лагеря военнопленных, расположенного под Грассом, которых я организовал для перехода в го<р>ы к партизанам и благословил на кражу у немцев оружия, а из окна моей комнаты был отлично виден находящийся в 300-х метрах за дорогой немецкий штаб, охрана которого — власовцы, тоже прибегали ко мне в сад в темные вечера за последней сводкой московского радио, плакали и каялись и перешли к союзникам, а после боев, в которых принимали участие мои ребята, я вместе с ними в боевой колонне шел в Каннах под знаменем возлагать венок на памятник жертвам войны. Но ведь это уже настоящее воспоминание.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 102. Л. 85–85 об. Машинопись.

¹ Имеется в виду 31/32-я книжка «Новоселья» за январь–февраль 1947 г.

² Речь идет о «Литературных заметках» М. Слонима — критическом отзыве на «Русский сборник» (Париж, 1946) (Новоселье. 1947. № 31/32. Янв.–февр. С. 94–100).

Марк Львович Слоним (1894–1976), публицист, литературовед, литературный критик; один из идеологов и постоянных авторов «Новоселья», в котором были опубликованы множество его статей, очерков, заметок и рецензий: «Русский партизан 1812 г.» (1942. № 1. Февр. С. 50–55), «Заметки читателя» (1942. № 2. Март. С. 63–68), «Александр Невский» (1942. № 3. Апр. С. 70–71; подписан инициалами М.С.), «Гитлер и славяне» (1942. № 4. Май. С. 64), «Заметки о русском сопротивлении» (1942. № 5. Июнь–июль. С. 41–49), «Мысли обывателя» (1942. № 7. Сент.–окт. С. 50–55), «О советском человеке» (1943. № 1. Февр.–март. С. 62–71), «Россия и Европа» (1943. № 4/5. Авг. С. 59–63), «Русский патриотизм» (1943–1944. № 7/8. Дек.–январь. С. 66–73), «Битва за Россию» (1944. № 11. Апр.–май. С. 63–69), «Молот победы» (1944. № 16. Дек. С. 46–52), «Русский разговор» (1946. № 27/28. Июль–авг. С. 107–119), «Парижские поэты» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 89–96), «Литературные заметки» (1947. 31/32. Янв.–февр. С. 94–100), «Рассказы Тэффи» (1947. № 35/36. Июль–авг. С. 115–116).

³ В «Русском сборнике» Зуров был представлен главой «Астория» из романа «Зимний дворец», см. примеч. 3 к письму № 9, от марта 1946 г.

⁴ О Б. Пантелеймонове см. примеч. 5 к письму № 8, от 3 марта 1946 г. В «Русском сборнике», который он сам же собрал и издал, Пантелеймонов напечатал рассказ «Святой Владимир» (С. 95–121) и статью «Судьбы народов» (С. 195–203).

⁵ Кавыка — то же, что и кавычка.

20

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, первая половина февраля 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Квакерская организация, с кот<орой> я снеслась по получении письма от Веры Николаевны <Буниной>, отнеслась к моей просьбе весьма внимательно. Они немедленно же написали своему парижскому представителю; тот попытается сделать всё, что возможно.

Вашим друзьям, молодым поэтам, конечно, дам место на стр<аницах> «Новоселья». Посмотрю, что удастся поместить в следующем номере¹.

Есть ли у Вас рассказ поменьше «Дагмарского леса»? Думала его в этом, юбилейном, номере напечатать, но он чуть-чуть велик². Если есть другой, пожалуйста, пришлите поскорее³.

От души желаю Вам всего, всего хорошего.

Ваша

S. Pregel-Breyner

P.S. Дала квак<ерской> орг<анизации> Ваш адрес и пр. Так что беспокоиться нечего — они Вас разыщут.

P.S.S. В след<ующую> посылку вложу табак.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 21–21 об. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Под «друзьями» Зурова, «молодыми поэтами», Прегель, вероятно, имела в виду А.Е. Величковского (см. примеч. 8 к письму № 15, от 18 сентября 1946 г.) и жену его младшего брата, Алексея Евгеньевича (1904–1972), Тамару Антоновну Величковскую (во 2-м браке Величковская-Жаба; 1908–1990), которой принадлежат воспоминания «О Л.Ф. Зурове» (Новый журнал. 1981. № 142. С. 149–160). Стихи Т. Величковской появились в «Новоселье» некоторое время спустя, см. примеч. 2 к письму № 26, от 28 февраля 1948 г. В 33/34-й книжке журнала за апрель–май 1947 г., последовавшей за этим письмом, кроме стихов самой Прегель, были помещены стихи Н. Оцупа, А. Присмановой, К. Славиной, Ю. Терапиано, И. Ясен и Г. Раевского.

² Прегель имеет в виду пятилетнюю годовщину существования «Новоселья», пришедшуюся на 31/32-ю книжку за январь–февраль 1947 г. Следующая книжка журнала, 33/34-я, открывалась таким редакторским обращением:

Пять лет тому назад вышел первый номер «Новоселья». С тех пор, преодолевая все многочисленные препятствия, стоящие на пути русского журнала за рубежом, редакция неустанно трудилась над осуществлением своей основной задачи — создать независимый орган, посвященный литературе, искусству и науке и откликающийся на вопросы современности, объединить вокруг него русские творческие силы в Америке и Европе и укрепить в его читателях живую связь с родиной. Стремясь также к сближению представителей русской, американской и западноевропейской интеллигенции, «Новоселье» в сорока с лишним книжках журнала помещало не только произведения русских писателей, но и ряд рассказов и статей иностранных авторов.

Вступая в шестой год своего существования, «Новоселье» остается верным тем основным идеям, которые всегда руководили его деятельностью. В наше трудное время, когда от взаимного понимания и сближения народов зависит не только дело мира, но и самое существование человечества, «Новоселье» в меру сил будет напоминать об основном ценностях культуры и поддерживать принципы свободы, гуманизма, подлинной демократии и социального прогресса.

Редакция надеется, что широкие круги читателей, среди которых журнал находил до сих пор сочувственный отклик, и впредь поддержат наше начинание и дадут нам силы для дальнейшей работы.

³ В 33/34-й книжке «Новоселья», под названием «Семь рассказов», были напечатаны семь миниатюрных новелл Зурова, см. след. письмо.

21

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 19 февраля 1947 г.

19 февраля 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила «Семь рассказов». Какая восхитительная свежесть, какая гибкость языка! Рассказ в типографии. Собиралась даже напечатать «Дагмарский лес», но к этому номеру подходят больше «Семь рассказов».

Ознакомила М.Л. Слонима с содержанием Вашего письма; он Вам напишет¹.

В начале апреля мой брат, Борис Юльевич с женой (Александрой Николаевной) будут в Париже. Хочу послать Вам с ними «американский сувенир».

Обидно, что Вы всё хвораете.

Как только получу подтверждение относительно посылки, отправлю другую (с табаком).

От души желаю всего, всего наилучшего.

Ваша

S. Pregel-Breyner

С<ергей> Н<иколаевич> шлет Вам искренний привет.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 22–22 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Слоним ответил Зурову в письме от 23 февраля 1947 г.:

Нью-Йорк 23 февраля 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

С.Ю. Прегель прочитала мне отрывки из Вашего письма по поводу моей последней статьи в «Новоселье», и мне хочется ответить Вам — не для того, чтобы защищать мою точку зрения или переубеждать Вас, — а с целью устранения некоторых недоразумений.

Вы, быть может, знаете, что за мою — теперь уже, увы! — долгую литературную жизнь я отличался одним (в числе прочих) недостатком: я всегда говорил то, что я думаю, стараясь сказать мое мнение с предельной отчетливостью и даже резкостью. Мною не руководили никакие иные побуждения личного или политического характера. Я искренне думаю то, что пишу. Но это, так сказать, предисловие.

Упрек, обращенный мною к парижским писателям, по поводу отсутствия «современности» в их писаниях ни в коем случае не относится и не мог относиться к их личному поведению в последние годы, а особенно при немецкой оккупации. Я совершенно не ставлю вопроса о том, как они думали и что они делали в это время. Да это и не является предметом спора. Мои суждения основываются на их писаниях. Поэтому всё, что Вы пишете относительно участия в борьбе и резистанс, а также о страданиях и даже муках, бьет мимо цели. Скажу только, что смерти несчастных жертв, как Мандельштам, Фельзен, Блох, Горлин [а] и др., перед памятью которых я склоняюсь с волнением и уважением, ничуть не меняют моей основной позиции. Погибли они не в качестве писателей и не за то, что они писали, а за то, что были евреями — т. е. по самому бессмысленному и ужасному признаку. И какова бы ни была их судьба, их трагедия, она ничего не изменила ни в стихах Мандельштама, ни в романах Фельзена.

Каковы бы ни были личные заслуги и настроения оставшихся, для меня как литературного критика самое важное — что отразилось в их произведениях. Я признаюсь Вам, что ожидал литературных вестей из Парижа с большим нетерпением. Мне и раньше всегда казалось, что представители молодого эмигрантского поколения «варились в собственном соку», что им недоставало участия в жизни, жизненного опыта, той полнокровности, без которой очень трудно творить. Когда я говорю о «воспоминаниях», я отлично знаю, что «философски» вся литература — воспоминание, потому что писать о том, что сейчас переживаешь, может только поэт-лирик. Но есть все-таки разница между перспективой, которая необходима для творчества, и отказом от передачи того, что еще совсем недавно схватило писателя и заполнило его внутренний мир. Когда я говорю: «Зуров вспоминает», то я упрекаю Вас не за Ваш сюжет: Вы могли бы писать и о Риме и Греции — и в этом всё же чувствовалось бы, что именно недавние события заставили Вас обратиться к этому сюжету. Есть исторические романы, которые гораздо более современны, чем рассказы о войне и немецкой оккупации. Но я нашел в большинстве (хотя и не во всех) произведениях парижан те же темы, тот же подход, который отличал их шесть лет тому назад, а то и еще раньше. Это меня и смущает, и это заставляет меня говорить о литературе «воспоминаний» — обращаются писатели не к тому, что они только что пережили (а Вы утверждаете, и я отнюдь не хочу в этом сомневаться, что переживаний, и приключений, и страданий у них за эти годы было очень много). Почему же это не нашло отражения? Очевидно, не потрясло сознания, не было достаточно глубоко, иначе бы писали, не дожидаясь, что какой-нибудь критик обратит на это внимание. Вот чем объясняются мои фразы об изгоях и людях, лишенных корней.

Теперь несколько слов о моем отношении к Вашему отрывку. Честно Вам скажу, назвал я его «воспоминанием», потому что это ведь продолжение Вашего «Кадега» [б], который (sic) я когда-то встретил очень хвалебной заметкой в «Воле России» [в] и который я отметил с большой похвалой в одном из первых заседаний «Кочевья» в Париже [г]. Если память мне не изменяет, отрывки о начале революции Вы уже помещали в печати. И опять-таки

буду с Вами откровенен, потому что я отношусь к Вам с искренним уважением и любовью, а значит, могу быть с Вами «начистоту». Я виновен в том, что сказал в печати то, что большинство Ваших коллег и парижских критиков думает или шепчет за Вашей спиной. Отрывки из романа, изображающие офицера в начале революции, страдают одним крупным недостатком, который делает их скучными (не говоря уже о том, что тема эта была столько раз использована в советской литературе). Они многословны.

От повторений слов и штрихов впечатление уменьшается, описание становится монотонным, превращается в какое-то перечисление вместо мазков картины. Посмотрите нарочно на стр. 80 это повторение слов «голоса, смех, женское» [д], и Вы увидите, как это почти надоедает. Так воспринимаю я, читатель. Вы можете мне ответить, что это Ваша манера, и Вы на том стоите. Совершенно верно, а это мое ощущение, и я знаю, что его разделяют и другие читатели, которые, как и я, жалеют, что Вы не приносите ряда деталей в жертву экспрессивности. Если бы Вы сжали, сократили Ваши описания, всё бы выиграло в подобранности, выпуклости, художественной выразительности, стало бы тверже, мускулистее — и значительно сильнее.

Повторяю, критика моя, хотя по необходимости сводившаяся в статье к нескольким фразам, совсем не случайна (я ведь не только этот отрывок внимательно читал, но и тщательно следил за всеми Вашими писаниями). Кстати: описка моя <—> август вместо октября (Вы даже дату даете) — случайность, но очень «фрейдистского» типа — я был в Петербурге в Астории в последний раз в августе 1917 г., картина была та же, перед Корниловщиной такие же «организации» и пр. Думаю, что в октябре всё было мрачнее.

Поверьте мне, Леонид Федорович, я всё это говорю по совести. Мне очень жаль, если мои статьи задевают или обижают. Но если об этом думать, тогда нельзя ничего писать. Я не дошел еще до такого состояния, чтобы окончательно замолчать. Но, может быть, придется, если всякие мои литературные оценки будут вызывать такую взволнованную реакцию. Но я считаю, что обижаться нечего. Особенно, потому что каждый обижается за себя, оценку других считает правильной. Из Парижа получил много откликов на мою статью — и на предыдущую [е] и каждый говорит: обо мне Вы неправы, хотя согласен с Вашим отзывом о соседе. Это — человеческое, слишком человеческое [ж]. А так как я отделен от Парижа тысячами километров, то я вижу многое (или так мне кажется) со стороны — и сужу в какой-то мере более объективно, чем если бы жил в Париже, дышал бы атмосферой русско-парижской литературной среды. Здесь, в Нью-Йорке, никакой литературной среды нет.

Ну, довольно, а то слишком много написал.

Будьте здоровы и не поминайте меня лихом. Авось увидимся летом.

Всего хорошего, крепко жму Вашу руку.

(см. на обороте)

Искренно Ваш

М. Слоним [з]

Пост Скриптум: совсем о другом. 14 марта юбилей «Новоселья» — пять лет как издается! Устраивается вечер торжественный, будем чествовать Софью Юльевну. Хорошо бы ДО 14 марта получить приветствия и пожелания от парижских сотрудников журнала, если они это пожелают сделать [и]. Направлять их надо по моему адресу: 63 West 70 St. New York, N. Y.

или Ю.Л. Сазоновой:

Nevada Hôtel

2025 Broadway

New York, N. Y. [к]

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 82–84 об. Авторизованная машинопись.

а. Слоним перечисляет «русских парижан», погибших в годы Второй мировой войны: поэта и литературного критика Юрия Владимировича Мандельштама (1908–1943), прозаика и литературного критика Юрия Фельзена (наст. имя и фам. Николай Бернардович Фрейденштейн; 1894–1943), поэтов и филологов Раису Ноевну Блох (1899–1943) и ее мужа Михаила Генриховича Горлина (1909–1944).

Заметим, что Ю. Мандельштам и М. Горлин оказались представлены на страницах «Новоселья» — в 21-й книжке за сентябрь–октябрь 1945 г., первый стихами «Какая ночь! Какая тишина!» и «...Война. Летят аэропланы...» (С. 23–24), второй — статьей «Неразгаданные стихи Пушкина о Мицкевиче» (С. 60–64). См. также примеч. 3 к письму № 43, от 3 апреля 1965 г.

б. Первый сборник рассказов Зурова (Рига, 1928).

в. Слоним писал:

Если не считать романа В. Сирина «Король, дама, валет» — книга Зурова — самое интересное, что дала эмигрантская молодая литература за прошлый год [Слоним 1929, с. 142].

г. Парижское литературное объединение (1928–1938), которым руководил Слоним.

д. См.: «Он увидел, что за два месяца здесь ничего не изменилось — счастливые лица офицеров, тепло, смех, веселые голоса, очарование женского, таинственного, всего того, что меняет и освещает жизнь, чего на фронте были все лишены и о чем в землянках офицеры мечтали: хотя бы на час, на один вечер, попасть снова сюда, в эту обстановку и почувствовать себя человеком — что, несмотря на все, не одичал, и чувство жизни и радости еще существует. Голоса, аромат духов, запах английских сигарет, свет действовали на него наркотически; постепенно опьяняло музыкой, женскими глазами, возбуждало сильным электрическим светом, теплом, веселым говором, женскими голосами» [Зуров 1946, с. 80].

е. Слоним имеет в виду свою статью «Парижские поэты», напечатанную в предыдущей, 29/30-й, книжке «Новоселья» за октябрь–ноябрь 1946 г.

ж. Провербальная ссылка на книгу Ф. Ницше «Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister» («Человеческое, слишком человеческое»), 1878.

з. От «см. на обороте» до подписи написано от руки.

и. Судя по письму Прегель Зурову № 22, от 21 марта 1947 г., последний откликнулся на предложение Слонима и прислал приветствие. Отчет о вечере М. Железнова-Айзенштадта см. в примеч. 1 к указанному письму.

к. Юлия Леонидовна Сазонова (Сазонова-Слонимская; урожд. Слонимская; 1887–1957), писательница, историк литературы и театра, литературный, театральный и музыкальный критик, режиссер, переводчик. Один из постоянных авторов «Новоселья», в котором она представлена разнообразными материалами — рассказами: «Лето в Сибири» (1943. № 4/5. Авг. С. 3–23), «Будни», «В ресторане» (1943. № 6. Окт.–нояб. С. 18–29), «Мамадыж» (1943–1944. № 7/8. Дек.–январь. С. 17–40), «Пещеры» (1944. № 11. Апр.–май. С. 33–41), «В поезде» (1944. № 14/15. Окт.–нояб. С. 16–37); статьями, очерками и эссе: «Роль музыки в балетах М. Фокина» (1942. № 7. Сент.–окт. С. 50–63), «Слово о Петербурге» (1943. № 2. Апр. С. 46–53), «Немец в русской литературе» (1943. № 3. Май–июнь. С. 41–52), «Театр сороковых годов» (1944. № 12/13. Июль–авг. С. 44–56), «Передовая американская школа» (1945. № 17/18. Февр.–март. С. 67–80), «Американские впечатления Чайковского» (1945. № 22/23. Ноябрь–дек. С. 61–75), «Жизнь Софьи Ковалевской» (1946. № 26. Апр.–май. С. 58–69), «Открытие Америки» (1947. № 31/32. Январь–февр. С. 101–104), «Источник «Цыган»» (1950. № 42/44. С. 184–209); рецензиями: «В защиту «Слова»» (1949. № 39/41. С. 150–163), «Книга Евреинова о театре» (1949. № 39/41. С. 208–210, подп. Ю.С.); информационными обзорами: «По выставкам» (1943–1944. № 7/8. Дек.–январь. С. 93–96), «Выставка Александры Прегель» (1948. № 37/38. С. 144–146) и переводами: рассказы китайских писателей — «Божественный кудесник Чонг» и «Чудесная летающая колесница» Лим-Сиам-Тека и «Обращение» Сиао-Чиена (1944. № 9/10. Февр.–март, соответственно: С. 18–22 и 25–41).

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 21 марта 1947 г.

21 марта 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

От души благодарю Вас за приветствие. Вечер удался на славу. Излишне распространяться о том, что всё (приветствия, артистическая программа и даже... буфет) были для меня приятными сюрпризами. Вечер этот вознаградила *отчасти* за все муки¹.

Позавчера в Париж уехал Владимир Александрович Дукельский². Просила его повидать Вас и передать совсем маленький подарок (времени не хватило). В<ладимир> А<лександрович> <—> отличнейший композитор. Легкую музыку пишет как *Vernon Duke*, серьезную — как Влад. Дукельский.

Я сегодня получила письмо от писателя Георгия Гребенщикова³. Вот строки, к Вам относящиеся: «В номере 29–30 очерк Зурова “Обитель” настолько чудесен, что я прошу Вас сделать подарок нашему собрату — писателю о. Архимандриту Алексею Дехтереву в Египет...»⁴ (Книгу уже отправила.)

«Новоселье» выйдет дня через 2–3. Оно уже у брошюровщика. По выходе его отправлю Вам посылку —

С самым искренним и дружеским приветом
Ваша

S. Pregel-Breyner

P.S. С<ергей> Н<иколаевич> шлет Вам привет.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 23–23 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Вечер журнала «Новоселье», приуроченный к празднованию его 5-летия, проходил 14 марта 1947 г. в Carnegie Hall (Chapter Room), 154 West, 57th St., см. информацию «Вечер “Новоселья”» в «Новом русском слове» (1947. № 12737. 13 марта. С. 3) и относительно страннный отчет о нем М. Железнова (Айзенштадта):

С большим успехом, в интимной атмосфере прошел в прошлую пятницу («Карнеги чептер рум») вечер, устроенный сотрудниками журнала «Новоселье» по случаю пятилетия его существования.

Вечер открыл М.Л. Слоним краткой речью, в которой указал, что «Новоселье» сейчас единственный русский журнал, регулярно выходящий в свет за пределами России. Отметив рост журнала от первого его номера, все препятствия, которые ему пришлось преодолеть, г. Слоним указывает, что своим успехом «Новоселье» обязано главным образом исключительной энергии, настойчивости и вере в свое дело редактора-издателя С.Ю. Прегель.

Далее выступали А. Введенский — от имени читателей «Новоселья», Ю. Сазонова и С. Дубнова — от имени сотрудников. Игривое стихотворение в честь «Новоселья» прочитала Кира Славина. М. Железнов-Аргус прочитал юмористическую вещь о русском журнале в эмиграции. Г-жа Сазонова, между прочим, прочитала любопытное стихотворение, написанное студентами <К>олумбийского университета, три месяца назад приступившими к изучению русского языка.

Блестяще прошла музыкальная часть вечера, успеху которой немало способствовала Надя Вейзенберг, находившаяся среди гостей и выступавшая экспромтом. Артистка с блеском исполнила «Этюд» Скрябина, «Токкату» Хачатуряна, «В деревне» Чайковского и «Прелюдию» Шопена.

Отлично спела Татьяна Поберс арии из еще не опубликованной оперетты Вернон Дюк (Вл. Дукельского) и романс «Первопутник» Бориса Прегеля на слова С. Прегель.

Обычным успехом пользовалось выступление Ефима Вятиса, спевшего несколько новых послевоенных советских песен и «Партизаны» Штримера (слова Прегель).

Очаровательно исполнила балетный номер мисс Пеги Смитерс, участница балетной студии Бориса Романова.

Оглашены многочисленные приветствия: из Парижа — от И. Бунина, Тэффи, А. Ремизова, Л. Зурова, «Дома книги», А. Даманской, Н. Кодрянской, союзов и кружков писателей и поэтов. Среди них — Ю. Терапиано, В. Андреева, Н. Оцуца и др. Из Нью-Йорка и других городов Америки — от С. Кусевицкого, А. Гречанинова, русского кружка при Колумбийском университете, Е.Т. Могилят, А. Волошина, Н. Авьерино, С. Вишневской, Т. Дейкарахановой, Е. Извольской, Г. Вернадского и многих других читателей и сотрудников «Новоселья» [Железнов 1947, с. 3].

В октябре 1947 г., когда Прегель посетила Париж, там было торжественно отмечено ее 50-летие (Restaurant du Quartier Latin), а через некоторое время, 6 декабря, в зале Российского музыкального общества (за границей) — пятилетие журнала (см.: [Хроника 2000 (1), с. 223, 229–230]).

² Владимир Александрович Дукельский (псевд. Vernon Duke; 1903–1969), композитор, поэт, музыкальный критик, мемуарист. Современники относились к нему как к «развязному, но не лишенному известных способностей чудаку» (письмо А. Бахраха Г. Струве от 31 января 1967 г. // Hoover Institution Archives (Stanford University). G. Struve papers. Box 75, folder 11). С 1921 г. жил в эмиграции в США, в 1939 г. принял американское гражданство. Автор четырех книг стихов — все изданы в Мюнхене: «Послания» (1962), «Страдания немолодого Вертера» (1962), «Картинная галерея» (1965) и посвященная Д.И. Кленовскому «Поездка куда-то» (1968). Ему принадлежат также книги музыковедческих эссе «Listen Here! (A Critical Essay on Music Depreciation)» (N. Y., 1963) и мемуаров «Passport to Paris» (Boston; Toronto, 1955). Один из авторов «Новоселья», в котором печатались его музыкальные обзоры, неизменно именовавшиеся «Музыкальные итоги»: 1945. № 22/23. Ноябрь–декабрь. С. 50–53; 1946. № 24/25. Февраль–март. С. 82–92; 1946. № 27/28. Июль–август. С. 120–128; 1947. № 31/32. Январь–февраль. С. 81–93. Книгу стихов «Страдания немолодого Вертера» Дукельский преподнес Прегель со следующей дарственной надписью (хранится в Национальной библиотеке Израиля, Иерусалим):

Софье Юльевне Прегель
в знак долголетней дружбы —
Владимир Дукельский
1963.

³ Георгий Дмитриевич Гребенщиков (псевд. Сибиряк; 1883/1884?–1964), писатель, литературный критик, журналист, общественный деятель. Автор «Новоселья», в котором были напечатаны несколько его рассказов: «Видение на Бродвее», «Под кустом черемухи» (1943. № 6. Октябрь–ноябрь. С. 10–16); «Последний ряд» (1944. № 12/13. Июль–август. С. 17–32). Письмо, которое упоминает Прегель, как и вообще письма Гребенщикова к ней (исключая одну оставленную им у себя машинописную копию), судя по всему, не сохранились; четыре письма Прегель к Гребенщикову хранятся в Russian American Collection. Immigration History Research Center. University of Minnesota. The Grebenstchikoff, George and Tatiana papers. Box 34, folder 5.

⁴ Александр (в монашестве Алексей) Петрович Дехтерев (1889–1959), педагог, поэт, писатель, церковный деятель. Окончил Морское училище в Либаве (1911). Работал как научный сотрудник Статистического отдела по обследованию флоры субтропиков Закавказья (1913–1914). В 1918–1920 гг. руководил скаутским движением на Дону (см. об этом периоде его жизни: [Клименко 1973]). В эмиграции — воспитатель Галлиполийской гимназии (1920–1923), сотрудник отдела школьного воспитания русских детей в Болгарии (1924–1934). В 1935 г. постригся в монахи; соредактор газеты «Православная Русь», редактор журнала «Православный Карпатский вестник»; настоятель церкви в Александрии (1940–1949). В 1946 г. принял советское гражданство и в конце 1940-х гг. был выслан из Египта. В 1950–1955 гг. епископ Пряшевский (Чехословакия). По возвращении в Советский Союз библиотекарь Троице-Сергиевой лавры. С 1956 г. до смерти — архиепископ Виленский и Литовский (см. о нем: [Бахметьева 1993; Тименчик 2006, 2008; Лавринцев 2011, 2013]).

23

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 15 апреля 1947 г.

15 апреля 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Только несколько слов, чтоб сообщить, что Конюсы¹ еще не уезжают (узнала от Марии Самойловны <Цетлиной>). Раньше мая не двинутся. А в мае будут и другие «отъезды». Во всяком случае — с ними или с другими — постараюсь послать Вам то, о чем Вы просили.

Душевно Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 24. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Дружившие с Зуровым дочь С.В. Рахманинова Татьяна Сергеевна Конюс (1907–1961) и ее муж Борис Юльевич (1904–1988), как и Прегель, жили во время Второй мировой войны в США и во второй половине 1940-х гг. вернулись в Европу. Зуров нередко гостил в усадьбе Сенар, построенной Рахманиновым на берегу Люцернского озера и после его смерти (1943) принадлежавшей Т.С. Конюс, см. зуровские воспоминания о посещении этой усадьбы и о ее владельцах (Новый журнал. 1962. № 69. С. 51–61), в которых он объясняет название Сенар: **Сергей+Наталья Рахманиновы**.

24

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 9 июня 1947 г.

9 июня 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Мне удалось достать для Вас костюм. Не новый, правда, но дорогой и очень элегантный. Сергей Николаевич <Брейнер> согласился взять его.

Что же касается моего отъезда из Нью-Йорка, то уже писала Вам, что точная дата его выяснится в начале июля — перед отъездом должна устроить свои дела и получить еще кой-какие бумаги.

Мне прислали 2 номера похабной газетки «Русская мысль». Рядом с ней даже «покойное “Возрождение”» кажется *оазисом*.

Теперь труднее держаться, чем когда бы то ни было. Но горе тому, кто теперь сдает позиции! —

Всего, всего доброго. Передайте, пожалуйста, сердечный привет Вере Николаевне и Ивану Алексеевичу. Напишу им.

Душевно Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 25–25 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

25

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 14 февраля 1948 г.

14 февраля 1948 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Сбылось всё (приблизительно), о чем мы с Вами говорили. Обстановка тяжелейшая. Живу «на тычке», а это стоит невероятных усилий.

А *proros*¹, клика Н<ового> Ж<урнала> считает всех, вышедших из Союза, предателями, в лучшем случае, «слабоумными» или выжившими из ума².

Мне кажется, им необходимо порвать с этим Н<ью>->Й<орком>, тогда можно будет помочь и пр. К сожалению, полного разрыва не произошло.

«Новоселье» выйдет дней через десять; опаздывает Раузен, кот<орый> работает нерегулярно (из-за холодов)³.

Добужинский⁴ говорил о Вас с Юлией Леонидовной Сазоновой и горячо Вас хвалил. А он человек холодный. Впрочем, не уверена в этом. Скорей, застенчивость у него, какая-то связанность.

Вкладываю в это письмо 1 т<ысячу> франков. Надеюсь, дойдет. В ближайшее время отправлю Вам посылку.

Пока желаю всего, всего хорошего и прошу не забывать.

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 26–26 об. Автограф.

¹ Кстати (*фр.*).

² Выход представительной группы из состава Союза русских писателей и журналистов (в их числе Г.В. Адамович, А.В. Бахрах, В.С. Варшавский, Г.И. Газданов, Л.Ф. Зуров, А.П. Ладинский, В.Н. Муромцева-Бунина, Ю.К. Терапиано; позднее к ним присоединился И.А. Бунин) произошел на собрании 22 ноября 1947 г. и явился выражением протеста против крайностей антисоветизма и неприятия любых форм культурного сотрудничества с бывшей родиной (см. об этом: Русские новости. 1947. № 106. 13 июня; № 131. 5 декабря; № 134. 26 декабря; Русская мысль. 1947. № 2. 26 апреля; № 33. 29 ноября).

³ Имеется в виду нью-йоркская типография Rausen Bros. (417 Lafayette St.), в которой печаталось «Новоселье»; в этой, последней из изданных в США, книжке журнала (37/38-й) был напечатан рассказ Зурова «Ванюшины волосы» (С. 59–63).

4. Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957), живописец, художественный критик, мемуарист; во 2-й книжке «Новоселья» за апрель 1943 г., посвященной Петербургу–Ленинграду, был опубликован его очерк «Облик Петербурга» (С. 31–37).

26

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 28 февраля 1948 г.

28 февраля 1948 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Некоторое время тому назад послала Вам 1 т<ысячу> франков в письме. Не знаю, дошло ли?

А вчера послала Вам: 1 ф<унт> кофе, 2 ф<унта> риса, 2 ф<унта> сахара, варенье, мед, молоко в порошке, чай и папиросы (2 пак<ета>).

Посылка идет теперь приблизительно 6 недель.

«Новоселье» выйдет на будущей неделе — задержали бесконечные болезни: типографа, печатника, брошюровщика. Я тоже здорово простужена. Еще один грипп перенесла на ногах, и это дает себя знать.

С Наташей Кодрянской, вероятно, увижусь сегодня. Пока мы с ней только по телефону говорили.

Как уже писала, наш прогноз относительно Н<ью>-Й<орка> оказался правильным. Ну ничего, сделаю соответствующий вывод.

От души желаю Вам всего, всего хорошего. Жду весточки.

Ваша

София Прегель

P.S. В этом номере стихи А. Величковского¹ —

Кстати, как его «величают», хочу написать, послать пакет. Стихи Тамары Антоновны в след<ующий> раз напечатаю².

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 27–27 об. Автограф.

¹ См. примеч. 8 к письму № 15, от 18 сентября 1946 г.

² Три стихотворения Т. Величковской (см. о ней примеч. 1 к письму № 20, от первой половины февраля 1947 г.) — «Каждый хочет умереть последним...», «Смерть не ужасна. Смерть проста...» и «Возвращаюсь ночью домой...» — были напечатаны в последней книжке «Новоселья» (№ 42/44 за 1950 г. С. 52–53).

27

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

22 апреля 1948 г.

22 апреля 1948 г.

Дорогой Леонид Федорович,

В настоящее время нахожусь в деревне; отдыхаю от нечеловеческого напряжения последних месяцев. Из-за этого «Дагмарский лес» сумею послать не раньше 10–15-го мая.

Не знаю, почему собственно Хмара решил читать мои стихи¹ — Для меня актерское чтение — нож по стеклу².

Выпады Смоленского³ и других меня не удивляют. В этом есть и хорошая сторона: всё как-то определилось... Ничего, приеду, наведем порядок!

Величковскому послала 5 дол<ларов> — Посылку по возвращении отправлю —

В это письмо вкладываю тоже 5 д<олларов> и прошу подтвердить получение.

Не знаю точно, сколько пробуду в деревне. Напишите по нью-йорскому адресу. Передайте от меня привет молодым поэтам.

Душевно Ваша

София Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 28–28 об. Автограф.

¹ По всей вероятности, речь идет о вечере Объединения русских писателей и поэтов, который состоялся 3 апреля 1948 г. в зале РМОЗ. Со своими произведениями на нем выступили В. Андреев, Г. Песков, А. Гефтер (см.: [Хроника 2000 (1), с. 252]). В концертной части вечера известный актер и режиссер Григорий Михайлович Хмара (1887–1970) читал стихи Прегель. Хмара был одним из авторов «Новоселья», см. его воспоминания: Александр Блок в Художественном театре // Новоселье. 1946. № 26. Апр.–май. С. 80–84; Максим Горький (Горький против Достоевского) // Там же. № 29/30. Окт.–нояб. С. 137–141; К.С. Станиславский // Там же. 1947. № 35/36. Июль–авг. С. 75–82; К пятидесятилетию М.Х.Т. // Там же. 1949. № 39/41. С. 202–204.

² Одно из любимых выражений Прегель, ср. в ее письме А. Бахраху от 2 июня 1952 г.:

А американские Лорелеи убивают ростом и интонациями. Для английского уха это, должно быть, хуже, чем скрип по стеклу (ВА. Alexander Bacherac papers. Box 8).

³ Владимир Алексеевич Смоленский (1901–1961), поэт-эмигрант. В связи с ним и Прегель широко расцитирован рассказ В. Яновского, долженствующий подчеркнуть сердо-больный характер Софии Юльевны:

Вот у Смоленского «закрывают» газ, он идет к Софье Прегель или Цетлин за деньгами. Я спрашивал этих дам: «Почему вы это делаете? Ведь Смоленский, когда пьян, бросается жидом даже в вашем присутствии...» Мне отвечали: «Как же без газа! У него дети, их надо кормить» [Яновский 2012, с. 152].

В Архиве русского зарубежья Дома-музея М. Цветаевой (Москва) хранится экземпляр сборника Прегель «Разговор с памятью» (1935), преподнесенный Смоленскому со следующей дарственной надписью: «Дорогому Владимиру Алексеевичу Смоленскому на добрую память. С. Прегель. Париж 13.5.35».

28

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 13 мая 1948 г.

13 мая 1948 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Спешу отправить Вам «Дагмарский лес». Только вчера вернулась в Нью-Йорк. Еще не пришла в себя с дороги.

В след<ующий> раз подробно обо всем.

Пока желаю всего, всего хорошего.

Душевно Ваша

София Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 31. Автограф.

29

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, март, апрель 1949 г.

S. Ravnicki¹
39, rue Singer
Paris 16-e

Дорогой Леонид Федорович,
Благодарю Вас за пожелания и дружбу. Очень приятно было получить письмо Ваше.

В нынешнее время живу в Le Vésinet (в 20-ти минутах езды от Gare St. Lazare)². Ремонтируют нашу квартиру на rue La Tour³.

39, rue Singer — это бюро моего мужа и, так сказать, мой временный адрес.

Хочу Вас видеть по разным делам: литературным и личным. Если задержусь в Le Vésinet — дам знать.

Пока желаю всего, всего наилучшего.

Душевно Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 32–32 об. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ После переезда из Нью-Йорка в Париж, в апреле 1949 г., когда Прегель было уже за 50, она вышла замуж в третий раз, за адвоката Соломона Георгиевича Равницкого (1892–1970). Эта весть наполнила Париж, и Бунин в письме к Зурову от 19 марта 1949 г., иронизируя над немолодой невестой, не без колкости интересовался:

Вышла ли уже замуж Mlle Pregel? Лишил ли ее уже муж невинности? [Переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым 2010, с. 217].

Однако подписываться фамилией нового мужа Софья Юльевна начала еще до вступления в брак, см., например, в письме В.Л. Корвин-Пиотровскому и его жене от 10 августа 1948 г., в котором, сообщая адрес цюрихской клиники-санатория, где она в это время лечилась, вместо привычной S. Pregel-Breyner указана S. Ravnicki (Beinecke Rare & Manuscript Library. Vladimir Korvin-Piotrovskii papers. Gen MSS 598. Box 1, folder 41). Вместе с тем ее формального развода с С.Н. Брейнером в то время еще не произошло, и переход на новую фамилию, по-видимому, просто выражал облегчение от угнетавших и сброшенных оков предыдущего брака.

² Le Vésinet — северо-западный пригород Парижа, примерно в 20 км от центра города.

³ Имеется в виду квартира по адресу 24, rue de la Tour (Paris, 16-e), в которой Прегель и Равницкий прожили с 1949 до 1957 г. Впоследствии Зуров неоднократно будет навещать Прегель в этой квартире, см., например, в письме В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун от 23 декабря 1950 г.:

Сегодня Леня пошел обедать к С.Ю. Равницкой, Прегель тож [И.А. Бунин 2014, с. 134].

30¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 1 мая 1954 г.

1 мая 1954 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Надеюсь, Вы ликвидировали Ваш грипп.

Здесь тоже много больных. Неудивительно: Ривьера превратилась в «заполярье»...

Бархатный сезон кончился. Из всех щелей выползают аборигены.

Во вторник вечером (иншаллах)² буду в Париже.

Пока желаю всего, всего хорошего.

Душевно Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 30. Автограф.

¹ Написано на почтовой фотооткрытке с изображением Канн.

² «Иншаллах» — с Божьей помощью (*араб.*). Ср. шутивное использование того же выражения в ее письме В.Н. Бунинной от 5 октября 1958 г. (LRA. MS. 1067/5978):

Покидаю Канны в субботу 11-го и в субботу же ночью должна быть в Париже («иншаллах»).

31¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 22 августа 1956 г.

22 августа 1956 г.

Дорогой Леонид Федорович,

попрошу у Бэллы Рейн² (сестры Абрамовича³) «Социалистический» вестник» и тогда пошлю его Вам.

У Каплана не бываю⁴. Видели ли Вы в Бриенце отель, где жил Байрон?⁵

Здесь пустыня — все, все уехали.

Кодрянские в Испании, еще не прислали традиционной открытки — Впрочем, их поездка короткая — 28 августа должны быть здесь.

Вчера уехала А.К. Бененсон⁶. Ее маршрут: Ленинград⁷, Москва, Стокгольм, Копенгаген...

А Юлия Леонидовна <Сазонова> 1-го уезжает в деревню, чтоб там работать над книгой —

Надеюсь, в горной долине Вы сумеете совершать *длинные* прогулки.

Желаю Вам всего, всего хорошего.

Всегда Ваша

S. P<regel>

LRA. MS. 1068/3748. Автограф.

¹ Письмо написано в Швейцарию, где Зуров проводил лето.

² Белла Абрамовна Рейн (в замуж. Божерянова; 1897–1983), актриса, режиссер, театральный педагог, чтец-декламатор, исполнительница старинных романсов; создатель в Париже «Театра жеста»; в годы Второй мировой войны жила в США, затем вновь вернулась в Париж.

³ Рафаил Абрамович Абрамович (наст. фам. Рейн; 1880–1963), общественный и политический деятель, публицист, член Бунда, представитель меньшевистского крыла в РСДРП. С осени 1920 г. в эмиграции, с 1940 г. жил в США. Один из основателей журнала «Социалистический вестник» (орган Заграничной делегации РСДРП; 1921–1965) и его редактор.

⁴ По всей видимости, имеется в виду издатель и книготорговец Михаил Семенович Каплан (1894–1979).

⁵ Бриенц (Brienzersee) — городок в центральной части Швейцарии на берегу одноименного озера. Д.Г. Байрон бывал здесь в 1816 г., когда жил в Швейцарии.

⁶ Александра Карловна Бененсон (урожд. Вейсбрем; 1901–1979), общественный деятель; председатель Административного совета института «Биотерапия», управляющий лабораториями фармацевтической фирмы «Villette» (с 1971 г.).

⁷ Заметим, между прочим, что в Ленинграде жил брат А.К. Бененсон, советский театральный режиссер Павел Карлович Вейсбрем (1899–1963), когда-то эмигрировавший в Париж, а затем в 1925 г. вернувшийся на родину.

32¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Монако, 13 марта 1957 г.

13 марта 1957 г.

Дорогой Леонид Федорович,

На этот раз Ривьера не подвела!.. Но, судя по газетам, и в Париже настоящая весна.

Никого пока не видела и вряд ли увижу — жизнь в доме у моей сестры течет медленно, с остановками...² Au ralenti!³

Тем не менее узнала уже все каннские светские и церковные новости...

Перед отъездом звонила Вам, но не удалось попрощаться —

Желаю Вам всего, всего хорошего! Обнимаю.

Душевно Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 31. Автограф.

¹ Написано на почтовой фотооткрытке с изображением Comte-Felix-Gastaldi, Monaco.

² Жившая в Каннах, сестра Прегель Клара Юльевна Каган (урожд. Прегель; 1902–1969) серьезно заболела еще в юношеском возрасте; в зрелые годы она стала предметом неустанных забот Софии Юльевны: ее недуг перешел в болезнь Паркинсона.

Она дрожит, легко теряет равновесие и говорит невнятно, — рассказывала она в одном из своих писем (от 2 ноября 1961 г.), описывая тяжелобольную сестру. — При этом она страстно любит жизнь... [Прегель 2000, с 163].

³ Неторопливо, не спеша (*фр.*).

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Цюрих, 23 августа 1958 г.

23 августа 1958 г.

Дорогой Леонид Федорович,

не имею Вашего точного адреса, поэтому посылаю письмо в Париж...

Ровно через неделю кончаются мои каникулы¹. Много пришлось лежать. Отдых был необходим. В свободное от лечения время — гуляю. Здесь отличные прогулки. Но стоит только спуститься по «финикюлеру» и попадаешь в шумный большой город, где всегда что-то происходит — выставки, конгрессы и т. д.

Из литературного Парижа вести неутешительные. Разыгрался новый инцидент между Померанцевым и Маковским². Пом<еранцев> процитировал, не называя имени автора, стихи Маковского — пример того, как *не надо* писать³.

Маковский не смолчал, и больше всех досталось бедному Водову⁴.

От души радуюсь успеху «Марьянки»⁵ и шлю Вам, дорогой Леонид Федорович, мой самый горячий привет.

Ваш друг

С. Пр<егель>

Пожалуйста, передайте Милице Эдуардовне мой привет и благодарность за письмо⁶.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 137. Л. 4–4 об. Автограф.

¹ Прегель в это время находилась в клинике Bircher-Benner неподалеку от Цюриха. В тот же день она написала письмо В.Н. Буниной, см.: LRA. MS. 1067/5976.

² Отношения С.К. Маковского и К.Д. Померанцева отличались взаимной воинственностью и конфликтностью. Сам Померанцев, относившийся к Маковскому, и не без оснований, как к довольно посредственному поэту («Поэт он был средний, хотя и упорный (восемь сборников!)»), вспоминая своих современников в мемуарной книге «Сквозь смерть», воспроизводит два инцидента, произошедшие между ними, и оба списывает на «ошибки молодости». Первый возник на одном из вечеров в квартире А.М. Элькан в начале 1950-х гг., когда Померанцев, как он пишет,

дерзнул прочесть главу из поэмы, которую писал и которая называлась ни больше, ни меньше как «Поэма о XX веке!» Писалась она, как тогда мне казалось, в самом современном стиле. Чтение продолжалось недолго, через 3–4 минуты Ю.К. Терапиано хлопнул кулаком по столу и возмущенный крикнул: «Довольно слушать этот бред!»

<...> Я вскипел, — рассказывает Померанцев далее о своей первой реакции, — («эх ты, молодость, буйная молодость!») и инстинктивно (до сих пор не понимаю, как это у меня вырвалось) отпарировал: «Но как же тогда вы слушали беспомощную версификацию Маковского!» Вообразите, что затем произошло. С<ергей> <Константинович> вскочил и, не сказав ни слова, ушел в свою комнату. Ушел, конечно, и Терапиано. Присманова принялась меня утешать. Другие обсуждали — кто кого больше обидел. Я же, как всегда, быстро остыл и объявил, что напишу извинительное письмо, что и сделал [Померанцев 1986, с. 78].

Другой случай («еще одна моя выходка», как квалифицирует ее автор воспоминаний) произошел в доме поэтессы Т. Величковской.

Кто точно присутствовал, — рассказывает Померанцев об этом вечере, — уже не помню. Кажется, Чиннов, Раевский, еще человек пять и я. Читали стихи, читал их и Маковский. Стихи были об Италии. Когда при обсуждении дело дошло до меня, я сказал, что «по моему скромному мнению», если Рим, Венецию или Флоренцию заменить Мадридом, Лиссабоном или Барселоной, стихи от этого не изменятся. Маковский, конечно, обиделся, остальные были неприятно смущены и твердо его защищали. Мне же — само собой — досталось по заслугам [Померанцев 1986, с. 80].

Покаянный тон воспоминаний (не обо всем рассказывающих, см. след. примеч.) скрывает напряженные отношения между Маковским и Померанцевым, которые в основном были связаны с парижским издательством «Рифма». Вскрывая истинные причины конфронтации Маковского и Померанцева, Г. Адамович писал И. Одоевцевой в письме от 8 июля 1958 г.:

Там <в Париже> сплошная война мышей и лягушек, т. е. Маковского и Померанцева во главе двух враждебных армий. Всё из-за «Рифмы» и того, кому ей владеть! [Если чудо вообще возможно за границей... 2008, с. 542].

Издательство «Рифма», печатавшее только поэтические сборники, возникло в Париже летом 1949 г. по инициативе и при финансовой поддержке жившей в США Р.С. Чеквер, писавшей стихи под псевдонимом Ирина Яссен. Была создана редколлегия в составе Г. Адамовича, С. Маковского, Г. Раевского, П. Ставрова, А. Элькан (она же секретарь издательства) и самой Р. Чеквер-Яссен. Организационно-техническую сторону взял на себя С. Маковский, бывший в давние российские времена редактором-издателем незабвенного «Аполлона»; он же был избран председателем редколлегии и стал доминирующей фигурой в новом издательстве. Первой книгой стихов, изданной «Рифмой», стала «Дважды два четыре» А. Штейгера, увидевшая свет 28 февраля 1950 г. О «Рифме» см.: [Терапиано 1976].

³ В статье «Поэзия Георгия Иванова» (Русская мысль. 1958. № 1250. 1 августа. С. 4–5), противопоставляя своему кумиру Г. Иванову авторов вымученных, мертворожденных стихов и метя при этом, по всей видимости, в Маковского, К. Померанцев писал:

Всё, конечно, дело вкуса. В эмиграции еще остались поэты, к которым приходят ангелы, для которых предреволюционная Россия звучит как «торжественный ямб», как есть и такие, которые, любуясь природой, не замечают, как мир летит в тартарары, и воображают, что ни один полевой цветок без улыбки на них не может посмотреть, совершенно забывая, что эпоха сентиментального романтизма давно прошла. Они совершенно уверены, что поэзия как раз и заключается в «пережевывании вчерашнего пирожка» (С. 5).

«Пережевывание вчерашнего пирожка» — образ, из стихотворения Г. Иванова «Зима идет своим порядком», четверостишие из которого Померанцев следом и приводил. И далее он совершал открытый выпад против С. Маковского, цитируя первую строфу из его стихотворения «Опять, опять у моря стоя...»:

Некоторые из эмигрантских поэтов совершенно уверены, что когда, например, они пишут такие рифмованные строки, как:

Опять, опять у моря стоя,
не наглажусь на небеса
и в шуме слушаю прибор
глубин и далее голоса,

то они занимаются поэзией, совершенно забывая, что Пушкин, написав свое знаменитое стихотворение «К морю», освободил их от ненужного занятия повторять на свой лад то, что за сто пятьдесят лет до них он уже так гениально выразил (С. 5).

Через несколько номеров «Русской мысли» на статью К. Померанцева отреагировал Р. Гуль, которой, полагая, что эмигрантским поэтам вынесен «приговор крайне суровый», попенял автору за то, что он привел перевернутые цитаты из Г. Иванова (см.: [Гуль 1958]).

⁴ Сергей Акимович Водов (1898–1968), журналист, редактор газеты «Русская мысль» (1954–1968).

⁵ В 1958 г. Зуров издал в Париже сборник своих рассказов «Марьянка» (в книгу вошел 21 рассказ). На сборник положительными рецензиями отозвались Г. Адамович (Русская мысль. 1958. № 1249. 9 августа. С. 2–3), Ю. Большухин (Новое русское слово. 1958. № 16642. 12 октября. С. 8), В. Варшавский (Новый журнал. 1958. № 54. С. 293–296), В. Унковский (Возрождение. 1958. № 84. Дек. С. 129–130), А. Шик (Грани. 1958. № 38. С. 244–245) и позднее: Ф. Степун (Библиографический бюллетень: Советская и зарубежная литература (Мюнхен). 1959. № 15. Май. С. 15), Я. Горбов (Возрождение. 1962. № 129. Сент. С. 142–145).

Об успехе сборника Прегель судила по рецензии Г. Адамовича, о которой узнала из письма к ней В.Н. Буниной. В тот же день, что и Зурову, в ответ на вопрос Буниной, прислать ли ей рецензию, Прегель писала:

Думаю, что не стоит посылать статью о «Марьянке», прочту ее на месте. Впрочем, если Вам это не слишком трудно — пришлите! Меня она очень интересует (LRA. MS. 1067/5975).

⁶ О М.Э. Грин см. упоминание во вступительной статье.

34

Л.Ф. Зуров — С.Ю. Прегель

Эдинбург, 6 сентября 1958 г.

Эдинбург, 6 сентября 1958

Дорогая Софья Юльевна,

спасибо за сердечное письмо¹. С большим интересом прочел рецензию Георгия Викторовича². Написана она очень хорошо и благожелательно. Конечно, можно было привести еще целый ряд примеров. Читая Вашу книгу, я отметил не только стихи, приведенные в тексте рецензии, но и другие. (Стихотворение «Встреча» я бы поместил целиком.) Выделяю следующие строки:

«На самом дне воспоминаний
Есть горечь давняя обид»³.

«И это снится, снится, снится:
И площадь, и собор, и птица,
И дождевые облака»⁴.

«Всё, что, я знаю, во времени было,
Всё, что время с собой унесло...»⁵

«И дождем атласным жасмина
Отвечает дрогнувший сад»⁶.

«Убили его по праву:
Злоба всегда права»⁷.

«Будто Россия рассеяна
В долгой ночи без сна:
Золотом, золотом веяно»⁸.

«Закрывайте ворота в Париже
И гасите огни в Роттердаме!»⁹

«Веря вновь в нераздельное,
Легкое, без затей,
Быстрое, карусельное
Счастье малых детей — »¹⁰

«И по-старчески дети в перчатках»¹¹.

«Во сне туда приезжаю.
Недвижные вечер, зола,
И улица мне чужая,
В ней звездные провода»¹².

«В залах сидели мрачно
Бывшие игроки»¹³.

Для перечисления всего двух газетных подвалов, конечно, мало. — Я считаю, что Вы связаны с петербургскими символистами, а через них с Пастернаком и Мандельштамом.

— Надеюсь, что Вы оправились, чувствуете себя сильнее и крепче. От всей души желаю Вам успеха, а главное — здоровья.

Милица Эдуардовна <Грин> просит Вам кланяться и передать, что с большим интересом читала Вашу книгу. Она благодарит Вас за доставленное удовольствие.

Целую Вашу руку

Л. Зуров

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 3. Машинопись, подпись-автограф. Копия: Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 137. Л. 6–6 об.

¹ Письмо, о котором идет речь, по всей вероятности, не сохранилось.

² Речь идет о рецензии Г.В. Адамовича на книгу стихов Прегель «Встреча» (Париж: Новоселье, 1958), напечатанной в «Русской мысли» (1958. № 1257. 28 августа. С. 2–3).

³ Из стихотворения «Усну и кончится в тумане...».

⁴ Из того же стихотворения; в подлиннике: «птицы».

⁵ Из стихотворения «Источилась она, оплыла...»; в подлиннике: «Всё, что, знаю, во времени было...».

⁶ Финальное двустишие того же стихотворения.

⁷ Из стихотворения «Склонились ветлы унылые...».

⁸ Из стихотворения «Будто в разливы хлеба...».

⁹ Из стихотворения «Треск обвала и выстрел гудящий...».

¹⁰ Из стихотворения «Оттого что зноя румяного...».

¹¹ Из стихотворения «В Булонском лесу».

¹² Из стихотворения «Во сне туда приезжаю...».

¹³ Из стихотворения «Воздух лимонно-табачный...».

35

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 18 сентября 1958 г.

18 сентября 1958 г.

Дорогой Леонид Федорович,
получила письмо, в кот<ором> Вы разбираете «Встречу»... Ваше внимание привлекает именно то, что автору всего дороже. Это показывает, что Вы умеете проникать в тайники творчества — редкий и ценный дар!

На меня опять напали ревматические боли — пишу с трудом.

Здесь пока затишье. Я говорю, конечно, о «литературном» русском Париже...

Ждут приезда Георгия Викторовича <Адамовича>.

Судьба «Рифмы» окончательно еще не решена. Мак<овский> ставит палки в колеса.

В Париже обо всем поговорим.

Передайте, пожалуйста, мой привет Милице Эдуардовне.

Обнимаю Вас

Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 137. Л. 5–5 об. Автограф.

36

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Женева, 3 августа 1961 г.

3 августа 1961 г.

Дорогой Леонид Федорович,
не писала Вам, т. к. чувствовала незаурядную усталость... Много времени также отнимают поездки к сестре¹.

Завтракала с Галиной Ник<олаевной> и Маргаритой Августовной². Должна была еще раз с ними повидаться, но неожиданно скончалась жена Ф.А. Степуна³,

и они укатили в Германию. 5 августа, в субботу днем, покидаю гостеприимную Женеву. В Париже поговорим обо всем!

Обнимаю Вас

Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 33–33 об. Автограф.

¹ Клара Юльевна в это время находилась на лечении в санатории в Швейцарии, откуда написано данное письмо. Ср. в письме к П.Л. Вячеславу от 18 июля 1961 г., в котором Прегель сообщала:

На днях уезжаю в Женеву к больной сестре. Пробуду там дней 10–12 [Прегель 2000, с. 159].

² Имеются в виду жившие в это время в Женеве поэт, прозаик, переводчик, мемуарист Галина Николаевна Кузнецова (в замуж. Петрова; 1900–1976) и певица Маргарита (Марга) Августовна Степун (1877–1972).

³ Философ, писатель, историк, литературный и театральный критик, мемуарист и общественный деятель Федор Августович Степун (1884–1965), брат М.А. Степун; его второй жены, Натальи Николаевны Степун (урожд. Никольской; 1886–1961), не стало 30 июля.

37

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 28 апреля 1963 г.

28 апреля 1963 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Прилагаю «Приглашение» на Вечер И. Одоевцевой «На берегах Невы»¹ —
Всегда Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 34. Автограф.

¹ Вечер проходил 3 мая в зале РМОЗ и, хотя носил персональный характер, был посвящен литературной жизни Петербурга 1920-х гг. вообще. Г. Адамович рассказал о своих встречах с И. Анненским и А. Ахматовой, после чего Б. Рейн прочла воспоминания И. Одоевцевой о Н. Гумилеве и А. Ремизове, а затем в ее же исполнении прозвучали отрывки из книги А. Ремизова «Подстриженными глазами». И. Одоевцева выступила с чтением своих петербургских баллад: «Баллады об извозчике» и «Баллады о Роберте Пинтегью». Во втором отделении Ю. Терапиано поделился воспоминаниями об О. Мандельштаме, И. Одоевцева прочла «Балладу о Гумилеве», а Прегель — главу из воспоминаний И. Одоевцевой об О. Мандельштаме (см.: [Хроника 2000 (2), с. 549–550], а также отчет М. Михновского об этом «на редкость удачном и содержательном» вечере, помещенный в «Русской мысли» (1963. № 1999. 25 мая. С. 7)).

38

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Канны, 9 августа 1963 г.

9 августа 1963 г.

Дорогой Леонид Федорович,

знаю, что в Париже холодно, льет дождь — а здесь жара, нечем дышать: ни ветерка!¹

Устала от слишком яркого солнца, от пальм, от южного пейзажа — Он ничего мне не говорит.

Видела Е.Л. Таубер². Она придет в воскресенье с мужем, кот<орый> будет читать свою повесть³ —

У сестры моей никаких перемен — Живем «au ralenti»⁴ —

Очень бы хотела знать, что у Вас —

В среду, 14-го, еду в швейцарскую санаторию. Мой адрес:

S. Ravnicki

«La Lignière»

Gland (Vaud)

piès Nyon

Suisse

Душевно Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 35–35 об. Автограф.

¹ Письмо написано из Канны.

² Екатерина Леонидовна Таубер (в браке Старова; 1903–1987), поэтесса, прозаик, литературный критик, переводчик. В 1920 г. эмигрировала с родителями в Сербию, где окончила французское отделение Белградского университета. В 1936 г. переехала с мужем во Францию. Преподавала русский язык в Каннах (1955–1971). Автор пяти поэтических книг: «Одиночество» (Берлин, 1935), «Под сенью оливы» (Париж, 1948), «Плечо с плечом» (Париж, 1955), «Нездешний дом» (Мюнхен, 1973), «Верность» (Париж, 1984). В «Новоселье» представлена стихотворением «В том садике, под пышною оливой...» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 55). Автор рецензии на сборник стихов Прегель «Разговор с памятью» (см.: [Таубер 1936]) и критического эссе «Буйство глаз (О стихах Софии Прегель)» (Грани. 1958. № 39. Июль–Сент. С. 220–223).

³ Константин Иванович Старов, общественный и культурный деятель.

⁴ Неторопливо, не спеша (*фр.*).

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 31 августа 1963 г.

31 августа 1963 г.

Дорогой Леонид Федорович,

спасибо большое за письмо. Надеюсь, оформление командировки Бабореко не займет слишком много времени. По-видимому, всё подходит к благополучной развязке —¹

Думаю пробыть здесь до 12 сентября. Доктор хотел бы меня задержать, но я не сдаюсь. А затем — по пути в Париж — остановлюсь на неск<олько> дней в Женеве (е<сли> б<удем> ж<ивы>)...

Вряд ли мне удастся повидаться с Галиной Николаевной <Кузнецовой>. Говорила с ней по телефону. 2 сент<ября> они уезжают в отпуск². В настоящий момент у Марг<ариты> Авг<устовны> Степун<а> желудочный грипп. Остальное на месте!

Привезу Вам папиросы!

Простите за краткость, но обстановка клиники-санатории не располагает к писанию.

Желаю всего, всего самого лучшего!

Душевно Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 38–38 об. Автограф.

¹ Под «развязкой» имеется в виду растянувшийся на много лет и так ничем и не кончившийся процесс передачи архива Бунина на родину, в Советский Союз, о чем уже упоминалось во вступительной статье. С советским литературоведом, исследователем жизни и творчества Бунина Александром Кузьмичом Бабореко (1913–1999) Зуров первоначально познакомился заочно через В.Н. Бунину. В одном из писем к А.К. Бабореко (от 23 мая 1958 г.) Бунина высказывала мысль о желательности его приезда в Париж:

Хорошо бы вам собраться к нам в Париж. Много бы вы могли получить для вашей работы по биографии Ивана Алексеевича.

Приведя этот фрагмент в своей книге, написанной годы спустя, Бабореко далее комментирует:

Ездили в Париж для встречи с Верой Николаевной и другими писателями-эмигрантами, за малыми исключениями, — кроме одного-двух «живых классиков», — литераторы, любимые спецотделами и иностранными комиссиями, — что одно и то же: Л.В. Никулин, С.А. Макашин. Мне дорога к В.Н. Буниной была заказана [Бабореко 1993, с. 64].

² Из-за болезни М.А. Степун этот отъезд, однако, был отложен, и Прегель удалось встретиться с Г.Н. Кузнецовой в Женеве. В письме П.Л. Вячеславу от 20 сентября 1963 г. она сообщала:

В Женеве я встретила с Галиной Николаевной Кузнецовой. Она очень тепло о Вас говорила.

Галина Николаевна удручена и расстроена болезнью своей подруги. В данное время ей очень трудно писать [Прегель 2000, с. 174].

40

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 2 мая 1964 г.

2 мая 1964 г.

Дорогой Леонид Федорович,
посылаю Вам «Русские Новости» от 10 апр<еля> 1964 г. с «Признательными строками» Н. Смирнова¹.

Поздравляю Вас со светлым праздником Пасхи —
Душевно Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 38. Автограф.

¹ Николай Павлович Смирнов (1898–1978), прозаик, литературный критик, журналист. С 1922 г. сотрудник «Известий», в 1926–1934 гг. — литературный секретарь «Нового мира». В 1934 г. был арестован и «за контрреволюционную агитацию и распространение контрреволюционной литературы» приговорен к четырем годам лагерей (освобожден в 1939-м). В 1950–1970-е гг. сотрудник альманаха «Охотничьи просторы» (исполнял обязанности заместителя отв. редактора) (см. о нем: [Куприяновский 1988; Певец 1998]). О взаимоотношениях Н. Смирнова и Б. Пастернака см.: [Переверзев 2006]. В послевоенные годы активно интересовался русской эмигрантской литературой, был постоянным автором парижской просоветской (или, как называл ее Г. Адамович, «полумосковской») газеты «Русские новости» и состоял в переписке с некоторыми «патриотически» настроенными эмигрантами, в частности, с В. Мамченко (см. письмо последнего Н.П. Смирнову о Б. Поплавском в кн.: [Поплавский 1996, с. 83–85]; см. его же письмо вернувшемуся в Советский Союз и жившему в Алма-Ате Ю. Софиеву от 28 мая 1965 г., в котором В. Мамченко высоко отзывается о Н. Смирнове как о человеке и писателе [Звезды в аду 2008, с. 174]). Многократно писал в «Русских новостях» о Бунине (см., например: Бунин на родине // Русские новости. 1961. № 859. 17 ноября. С. 4; Из записной книжки (И.А. Бунин по рассказам Н.А. Пушешникова) // Там же. 1963. № 948. 2 августа. С. 5; Думая о Бунине // Там же. 1964. № 974. 31 января. С. 4; № 975. 7 февраля. С. 4–6). По-видимому, за подписью Н.П.: Бунин на родине // Там же. 1965. № 1030. 12 марта. С. 5; и др.

В письме Прегель речь идет о статье Н. Смирнова «Признательные строки (К трехлетию со дня смерти В.Н. Муромцевой-Буниной. Апрель 1961 — Апрель 1964)» (Русские новости. 1964. № 984. 10 апреля. С. 4). Смирнов состоял с Верой Николаевной в активной переписке, завязавшейся в 1958 г., после выхода ее книги «Жизнь Бунина».

41¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 5 марта 1965 г.

5 марта 1965 г.

Дорогой Леонид Федорович,
шлю Вам мой горячий дружеский привет из Канны, где до сих пор было холодно и весьма неуютно. Сегодня первый весенний день...

Живу я в отеле, но всё свое время провожу с сестрой. Да, <в> этот год она изменилась, исхудала. Сейчас при ней Лидия Елевф<т>ерьевна Флорианская² —

Остаюсь здесь до 15 марта. 16-го должна быть в «La Lignière» — в Швейцарии. Жду от Вас весточку.

Ваша

С. Пр<егель>

P.S. Для упрощения прилагаю конверт с адресом.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 39. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом Ниццы.

² Лидия Елевфтерьевна (Элевфтерьевна) Флорианская, актриса.

42

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 22 марта 1965 г.

22 марта 1965 г.

Дорогой Леонид Федорович,
что у Вас хорошего? Были ли Вы за это время у д-ра Гашкеля <?>¹
Завтра неделя, как я в «La Lignière». Здесь весна, поют птицы, в лесу журчат ручьи, а больных не слышно и не видно: сидят у себя по комнатам.

Но в какой-то момент эта швейцарская красота и синева Женевского озера начинает меня раздражать!..

Больше всего меня угнетает болезнь Гингера². И все-таки постепенно начинаю принимать человеческий облик.

Отдых — великое дело!

В Каннах видела Е.Л. Таубер. Она много работает, но с трудом перебивается.

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович. Будьте здоровы и благополучны.

Ваша С. П<регель>

P.S. Для удобства прилагаю конверт с адресом.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 40–40 об. Автограф.

¹ Доктор, лечивший Зурова, ср. в письме Прегель к Н.В. Кодрянской от 10 декабря 1964 г.:

Уже взяла свид<етельство> у д-ра Гашкеля. Идем в понедельник. В общем, теперь я Зурову *абсолютно не нужна*, это просто каприз. Но я не хочу ему отказывать!..

И в следующем письме ей же, от 19 декабря, она сообщала о результатах этого похода:

Была с Зуровым у д-ра Гашкеля, и тот был в восторге от результатов лечения (а он *не экспансивен*).

² У одного из ближайших друзей Прегель, поэта и прозаика Александра Самсоновича Гингера (1897–1965), обнаружили в это время раковую опухоль, и он был вынужден лечь в больницу.

43¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 3 апреля 1965 г.

3 апреля 1965 г.

Дорогой Леонид Федорович,

от души благодарю Вас за письмо: мое пребывание в «La Lignière» подходит к концу. 7 апреля еду в Женеву к приятельнице, Mme Gurvic² (на той же площадке живет Я.Н. Блох...³) Пробуду там 4½ дня. Надо встряхнуться, перейти на нормальное положение. Даже ждать не хочется.

Гингер мне пишет, что Вы прислали ему подписку⁴. Сейчас он в приподнятом настроении и считает себя здоровым.

До скорого, дорогой Леонид Федорович!

Рада, что Вы закончили статью.

Обнимаю Вас. Всегда Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 41. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом Ньюн, пригорода Женевы, расположенного на Швейцарской Ривьере.

² Ольга Марьяновна Гурвич (урожд. Тумповская; 1889–1978), сестра поэтессы и переводчицы М.М. Тумповской, возлюбленной Н.С. Гумилева, адресата нескольких его стихотворений. Жила в Германии, а затем в Швейцарии (Женева). В годы Второй мировой войны вместе с мужем, Лазарем Ильичом Гурвичем, спасала еврейских детей, переправляя их в Швейцарию (см.: [Арманд]).

³ Яков Ноевич Блох (1892–1968), издатель, переводчик, журналист; брат погибшей в Аушвице поэтессы и филолога Р.Н. Блох, близкой приятельницы Прегель; вместе с французским славистом профессором А. Мазоном и художницей и поэтессой Н.А. Бродской Прегель подготовила к изданию «Избранные стихотворения» Р. Блох и ее мужа М. Горли-

на, также погибшего от рук нацистов (Париж: Изд-во им. Ирины Яссен «Рифма», 1959), а за два года до этого — сборник их филологических статей «Études littéraires et historiques» (Paris: Institute d'Études slaves, 1961. (Bibliothèque russe de Institute d'Études slaves; t. 30)).

⁴ Для издания последнего прижизненного сборника стихов А.С. Гингера «Сердце» была организована подписка, в которой приняли участие сотни людей, см. об этом более подробно в гингеровских письмах к Прегель в кн.: [Гингер 2013, с. 258–273].

44

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 10 июня 1965 г.

10 июня 1965 г.

Дорогой Леонид Федорович,
обрадовалась Вашей весточке. В Париже «холодно» и неуютно... Успела даже простудиться, но всё постепенно налаживается.

С Кодрянскими говорю по телефону. У них, как всегда, уйма дел.

У Гингера всё то же. Он потерял еще одно кило. Подписка на его книгу продолжается. У него свыше 360 подписок...

Вчера видела Б.К. Зайцева. Он держится молодцом. В первых числах июля предполагается вечер Ирины Одоевцевой «На берегах Сены»...¹

Обнимаю Вас, мой дорогой друг, и желаю всего, всего хорошего и светлого.

Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 42–42 об. Автограф.

¹ Вечер И. Одоевцевой «На берегах Сены», посвященный воспоминаниям о литературной жизни в предвоенном эмигрантском Париже, состоялся 2 июля (вступительное слово сказал Г. Адамович). Вечере приняла участие Прегель: она выступила с воспоминаниями об А. Ремизове и чтением стихов Одоевцевой из сборника «Десять лет» (см.: [Хроника 2001, с. 67]).

45

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 23 августа 1965 г.

Sophie Ravnicki
«La Lignière»
Gland (Vaud)
près Nyon
Suisse
23 августа <1965>

Дорогой Леонид Федорович,

Шлю Вам сердечный привет из «La Lignière», где всё та же классическая швейцарская скука.

Спасает то, что я здесь с Борисом Юльевичем и Шурочкой¹. Мы живем своей жизнью. Но они уезжают 5 сент<ября>, и я останусь здесь (если ничего не произойдет) до 10 сентября. Может быть, задержусь на неск<олько> дней в Женеве.

Пока всё это неясно. Продолжаю лечение и диету и стараюсь не думать, но мне не удается.

Всё время думаю о Гингере. Получила от него письмо. Писал сын, Сережа², под его диктовку.

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович, и очень прошу Вас *не уставать!*
Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 36–36 об. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Т. е. с братом и его женой.

² Сергей Александрович (Serge) Гингер (1928–2011), известный французский психолог и психотерапевт, автор большого количества работ по гештальтпсихологии и гештальттерапии; сын Гингера и А.С. Присмановой.

46

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 1 сентября 1965 г.

1 сент<ября> 1945 г.¹

Дорогой друг,

Получила Ваше письмо от 28 авг<уста>, и оно меня *перевернуло*...² Еще ясней увидела то, что себе представляла. Невыносимо тяжело — с этой потерей не могу примириться!

Получила большое письмо от сыновей Гингера (помимо телеграммы).

Я думаю, что день поминаения надо устроить в *конце* сентября или даже в начале октября³.

Остаюсь в «La Lignière» до 10–12 сент<ября>, а потом пробуду неск<олько> дней в Женеве, где увижу Андреевых⁴, Слонима... Париж меня пугает.

Лечение идет неплохо, но я умудрилась схватить «периартрит»⁵. Постараюсь здесь его ликвидировать.

Желаю Вам, дорогой Леонид Федорович, в Nice как следует быть (sic) отдохнуть и запастись силами на зиму.

Обнимаю Вас.

Всегда Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 43–43 об. Автограф.

¹ Ошибка Прегель. Следует: 1965 г.

² Зуров сообщил Прегель о смерти А.С. Гингера.

³ Вечер памяти Гингера состоялся 2 декабря 1965 г. Его открыла Прегель, выступив с воспоминаниями о поэте и его окружении (кроме того, она читала его стихи), затем о нем говорили Г. Адамович, К. Померанцев, Ю. Терапиано и А. Юлиус; воспоминания о Гингере К. Терешковича прочитал Г. Адамович (опубликованы в кн.: [Гингер 2013, с. 371–375]). О вечере см.: [Хроника 2001, с. 119–120].

⁴ Т. е. поэта, прозаика, литературного критика, мемуариста Вадима Леонидовича Андреева (1902/1903–1976) и его жену художницу Ольгу Викторовну (урожд. Чернову; 1903–1979), приемную дочь В.М. Чернова (дочь от 1-го брака О.Е. Колбасиной-Черновой и художника М.С. Федорова). Близкие друзья Прегель, супруги Андреевы являлись авторами «Новоселья», в котором были опубликованы четыре поэмы Вадима Леонидовича: «Олень» (1945. № 22/23. Ноябрь–дек. С. 30–34), «Поэма о камне» (1947. № 35/36. Июль–авг. С. 34–37), «Поэма об отце» (1947. № 31/32. Янв.–февр. С. 14–17) и «Поэма о Ревекке» (1949. № 39/41. С. 71–75), а также два его рассказа: «Счастливый дом» (1946. № 24/25. Февр.–март. С. 58–69) и «Возвращение» (1946. № 27/28. Июль–авг. С. 61–70); Ольга Викторовна напечатала в «Новоселье» мемуарно-некрологический очерк «Серафима Павловна Ремизова» (1947. № 35/36. Июль–авг. С. 127–129).

⁵ Периартрит — воспалительный процесс в околосуставных тканях крупных суставов.

47

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 30 апреля 1966 г.

30 апреля 1966 г.

Дорогой Леонид Федорович,

шлю Вам сердечный привет из Канны, куда приехала после трехдневного пребывания в Ницце. Здесь жарко, всё в цвету. А у моей сестры, к сожалению, всё то же!

Мне переслали письмо Н.П. Смирнова. Он пишет: «...Вчера долго сидела у меня Наталья Ивановна Столярова¹. ...очень интересно рассказывала о своей прошлогодней поездке (в частности, о встрече с Л.Ф. Зуровым)...»

Он просит также передать Вам привет.

В Париж (е<сли> б<удем> ж<ивы>) приеду 9 мая... Не позже!

Душевно Ваша

С. Прегель

Sophie Ravnicki
chez Mme Kagan-Pregel
Palais Real
Av. du Parc Madrid
Cannes (A. H.)

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 44–44 об. Автограф.

¹ Наталья Ивановна Столярова (1912–1984), переводчица; дочь революционерки-террористки Н.И. Климовой. Родилась в Италии, выросла в Париже, где познакомилась с молодыми русскими поэтами и писателями-эмигрантами, в частности (в 1931 г.) с Б. Поплавским, посвятившим ей ряд стихотворений (кроме того, она стала прототипом героини его романа «Домой с небес»). В декабре 1934 г. переселилась в СССР, в 1937 г. была арестована, стала узницей ГУЛАГа, о чем рассказано в книге «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына. Реабилитирована в 1956 г. В 1956–1967 гг. — литературный секретарь И.Г. Эренбурга. Член Союза писателей (1970). Участница петиционной кампании вокруг «процесса четырех», свидетель защиты на суде (1968), участвовала в деятельности Фонда помощи политзаключенным.

48¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 14 марта 1967 г.

14 марта 1967 г.

Дорогой Леонид Федорович,

шлю Вам привет из Канн, где живу в постоянных волнениях и тревоге.

Вчера здесь была настоящая зима, а сегодня опять солнце светит и греет, и кажется, что Ривьера не сплошной «блэф»...

22 марта должна быть уже в Париже. Надеюсь, Вы хорошо себя чувствуете и продолжаете регулярно работать! —

До скорого!

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 45. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом Au soleil de la Côte d'Azur.

Л.Ф. Зуров — С.Ю. Прегель

Сустон, 23 июля 1968 г.

<23 июля 1968>

Дорогая Софья Юльевна!

Сердечное спасибо за милое письмо.купаюсь, отдыхаю. Загорел, но прячусь днем от сильного солнца¹. От Милицы Эдуардовны <Грин> получил большое и обстоятельное письмо. Она упала на улице, повредила правую руку. Долго не могла писать.

К Вам у меня огромная просьба. Получил я от *comptabilité téléphonique*² счет (который и прилагаю). Здесь, у нас, почты нет. Очень Вас прошу, милая Софья Юльевна, уплатите за меня по счету 67 фр<анков> 80 сантимов (почтовое отделение наход<ится> на рю Синте, недалеко от Пасси). *Деньги эти я Вам сразу же верну*. Простите, что затрудняю Вас, но Соллогубы уехали³, а Вы являетесь единственным другом, оставшимся в Париже. Буду Вам благодарен и чрезвычайно признателен.

От всей души желаю Вам здоровья, бодрости и успешной творческой работы.

Пишу Вам, сидя на сосновом пне. Сорвал боровой вереск. Вкладываю его в письмо.

Целую Вашу руку.

Л. Зуров

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 3. Автограф. Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

¹ Зуров отдыхал в одном из лагерей Сустона в Аквитании (область на юго-западе Франции).

² *Comptabilité téléphonique* — организация, ведающая телефонными счетами; бухгалтерия телефонной сети (*фр.*).

³ Общественный и культурный деятель Наталья Борисовна Соллогуб (урожд. Зайцева; 1912–2008), дочь писателя Б.К. Зайцева, и ее муж, экономист и общественный деятель Андрей Владимирович Соллогуб (1906–1996). Воспоминания Н.Б. Соллогуб о Зурове, с которым она и ее муж были близкими друзьями, см. в кн.: [Беседы с Н.Б. Соллогуб... 2004, с. 210–217].

50¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 1 февраля 1969 г.

1 февраля 1969 г.

Дорогой Леонид Федорович,

получила сегодня утром Вашу открытку... Узнала адрес и телефон Барановых и сразу же им позвонила. Наталья Львовна сказала мне, что послала Вам письмо с *готовым* конвертом! Она ждет известий². Пока что прочла ей Вашу открытку. На всякий случай повторяю адрес Барановых:

156 ter, rue d'Aulnay

92 — Châtenay-Malabry

Телефон: *Robinson* 14-83

Здесь особых перемен нет.

Георгий Викторович <Адамович> в Ницце. Ирина Одоевцева вернулась из США³. А на нашей родине, как Вы сами знаете, веселого мало!..

Всего, всего доброго, дорогой друг Леонид Федорович. Набирайтесь *сил*, они Вам очень, очень нужны!

Всегда Ваша

С. Пре<гель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 46–46 об. Автограф.

¹ Письмо написано в клинику, где Зуров в это время проходил лечение.

² Наталия Львовна Баранова (урожд. Березовская; по отцу Баранова-Шестова; 1900–1993), инженер; дочь философа Льва Исааковича Шестова (наст. фам. Шварцман; 1866–1938), автор двухтомной книги об отце «Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников» (Paris: La Presse Libre, 1983). Супруги Шестовы — Лев Исаакович и его жена Анна Елеазаровна Березовская (1879–1962) — состояли в приятельских отношениях с Буниными, через которых с ними, очевидно, познакомился Зуров.

В письме, о котором Прегель здесь упоминает, Н. Баранова-Шестова писала Зурову (29 января 1969 г.):

Дорогой Леня,

Предполагаю и надеюсь, что вы хорошо доехали и довольны новым местом. У вас, наверное, большой сад, и вы можете выходить гулять.

Отец Сергей несколько раз звонил узнавать про ваше здоровье. Он очень надеется, что на новом месте вам будет хорошо и что вас там вылечат. Ему очень хотелось бы получить от вас письмо.

Посылаю конверт с адресом — напишите несколько слов, расскажите, как вы устроены.

Володя <Баранов, муж Наталии Львовны> и я шлем вам сердечный привет и желаем скорее поправиться.

Наташа

На случай, если у вас нет бумаги под рукой, посылаю вам также 2 листика бумаги, вы, наверное, где-нибудь в глуши и ничего не можете пойти купить (Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 40).

³ В марте 1968 г. И. Одоевцева ездила в США по приглашению издателя и книготорговца Виктора Петровича Камкина (1902–1974), который издал ее воспоминания «На берегах Невы» (Washington, D.C.: Русское книжное дело в США. Victor Kamkin, 1967); в конце 1968 — начале 1969 г. она отправилась туда вторично.

51¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 16 октября 1969 г.

Sophie Ravnicki
Palais Real
Av. du Parc Madrid
06 Cannes
16 X <19>69

Дорогой Леонид Федорович,
шлю Вам привет из Канн, где постепенно всё привожу в порядок. Осложнений немало, а работы — больше, чем я думала... Пробуду здесь во всяком случае до конца месяца².

Мне переслали письмо Вашего *американца*. Отвечу ему и из Парижа пошлю дополнительные сведения.

Всего, всего доброго, дорогой Леонид Федорович.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 47. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом Лазурного берега.

² Речь идет об устройстве дел после смерти сестры Прегель (см. примеч. 2 к письму № 32, от 13 марта 1957 г.), которой не стало 16 марта 1969 г. Приехав в Канны 8 октября, Прегель на следующий день писала Н.В. Кодрянской:

Приехала вчера утром и всё еще не могу освоиться ни с Каннами, ни с квартирой бедной Кларочки. Всё кажется мне каким-то дурным сном...

И в тот же день, что и Зурову, 16 октября, сообщала ей же:

Я остаюсь в Каннах *во всяком случае* до конца месяца. Много непредвиденных осложнений, а помощи, в общем, никакой. Одна из дам, на кот<орую> я рассчитывала, уехала в Aix-en-Provence, где оперируют ее близкого родственника. Другая — вернулась 2 дня тому назад и невероятно озабочена своим «неустройством» — Вы сами понимаете, какое у меня настроение. А между тем надо держаться!

52

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 23 июня 1970 г.

23 июня 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович,

спешу сообщить, что завтра пошлю (по почте) 150 фр<анков> (15 т<ысяч> старых фр<анков>).

Прилагаю конверт с моим адресом, чтоб Вы могли подтвердить получение.

Надеюсь, в Bassy¹ Вы хорошо поправитесь, а в Бретани по-настоящему «освежитесь».

Вчера было основательно душно. В Париже Вам было бы тяжело.

Если не будет никаких «неожиданностей», 11 июля поеду в Остенде² — с Борисом Юльевичем и Шурочкой.

Здесь всё то же, всё *те же!*

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович. Поправляйтесь! Для этого необходимо «выключиться»...

Всегда Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 53–53 об. Автограф.

¹ Bassy (Басси) — городок в Верхней Савоие на юго-востоке Франции.

² Остенде — крупный бельгийский портовый и курортный город на берегу Северного моря.

53

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 2 июля 1970 г.

2 июля 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович,

спасибо за письмо, кот<орое> меня очень обрадовало. Вы должны быть крайне осторожны. Думаю, что у Вас холодно, как и здесь. Я, правда, радуюсь низкой температуре, но это хорошо для Парижа, а не для «деревни».

Прилагаю конверт с адресом и маркой и прошу Вас (по возможности без промедления!) сообщить мне, как долго Вы остаетесь в Bassy. Сообщите также Ваш адрес в Бретани.

Мы (Шурочка, Б<орис> Ю<льевич> и я) уезжаем в субботу, 11-го, в наше любимое Остенде.

Получила письмо от Галины Николаевны <Кузнецовой>. Она и М<аргарита> А<вгустовна> отдыхают на Tegernsee (1½ езды от Мюнхена)¹.

Я очень устала и жажду отдыха. Кроме того, не мешает и подлечиться...

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович!

Ваша С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 53–53 об. Автограф.

¹ Tegernsee (Тегернзе) — немецкий курорт, расположенный в Баварии, на восточном берегу одноименного озера.

54¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 6 июля 1970 г.

6 июля 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович,
получила Ваше письмо — пишу ответ.

Я рада, что Вы понемногу приходите в себя! Надеюсь, к концу лета Вы забудете о всех Ваших недомоганиях.

Усиленно готовлюсь к отъезду. У меня много неотложных дел.

Галина Николаевна <Кузнецова> и М<аргарита> А<вгустовна> Степун теперь в санатории на Tegernsee (Бавария).

Была у Бориса Константиновича <Зайцева>. Он держится молодцом. Его оберегает Вера Александровна (sic)².

Одновременно с этим письмом посылаю Вам почтовый перевод на 150 франков. Прилагаю конверт с моим адресом в Бельгии и прошу подтвердить получение. Но пошлите мне письмо *не раньше* 11 июля.

«En principe»³ мы покидаем Париж 11-го утром.

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович.

Всегда Ваша

С. Пре<гель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 49, 50. Автограф.

¹ Написано на двух фотооткрытках с московскими видами: Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и Красной площади.

² См. примеч. 16 к вступительной статье.

³ «В принципе» (*фр.*).

55¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 14 июля 1970 г.

Sophie Ravnicki
Grand Hôtel des Thermes
Ostende
Belgique
147.<19>70

Дорогой Леонид Федорович,

спешу Вам сообщить, что 11-го мы приехали в Остенде, где останемся до 7–10 августа. А затем — Брюссель и швейцарская санатория, где собираюсь подлечиться.

Сообщите, пожалуйста, получили ли Вы мой почтовый перевод!..

Надеюсь, у Вас всё в порядке!

Обнимаю Вас

Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 51. Автограф.

¹ Написано на почтовой открытке.

56¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 21 июля 1970 г.

21.7.<19>70

Дорогой Леонид Федорович,

сегодня национальный бельгийский праздник², и письмо это *вряд* ли уйдет! *Ваше* я получила и, в общем, очень довольна Вашим состоянием...

Галина Ник<олаевна> и М<аргарита> А<вгустовна> нуждаются в серьезном отдыхе, а М<аргарите> А<вгустовне> *необходимо* полечиться, она уже давно болеет.

Из Парижа пока никаких интересных известий... Все понемногу разъезжаются.

Несмотря на неустойчивую погоду, здесь очень хорошо! Пробудем в Остенде до 10–11 августа... А затем Брюссель и Швейцария...

Обнимаю Вас и жду известий.

Ваша С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 52. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом порта в Остенде.

² 21 июля — Национальный день Бельгии (Nationale feestdag van België) — отмечаемый с 1890 г. праздник национальной независимости государства.

57

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 5 августа 1970 г.

5 августа 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Спасибо за письмо от 29 июля. Надеюсь, Вы уже в Бретани, кот<орую> Вы так любите!¹

Я всё еще наслаждаюсь морем, чудесными закатами. К сожалению, ухитрилась простудиться. Пока это простой насморк, и мне, вероятно, удастся его ликвидировать.

Начиная с *10 августа*, будем в Брюсселе, где останемся до 18-го (одну неделю!) Прилагаю конверт с моим адресом в Брюсселе, где рассчитываю получить от Вас весточку.

Из России получаю невеселые письма. Такого *зжима* уже давно не было! Этому конца не видно...

Из Брюсселя собираемся поехать в Льеж, в Антверпен и т. д. Пока это только «планы».

Желаю Вам, дорогой друг, поправиться *по-настоящему* и забыть о тяжелой зиме.

Обнимаю Вас

Всегда Ваша

С. Прег<ель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 54–54 об. Автограф.

¹ О том, что Зуров «готовится к отъезду в Бретань (к родственнице Веры Николаевны)», Прегель сообщала Н.В. Кодрянской в письме от 5 августа 1970 г.

58¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Брюссель, 15 августа 1970 г.

15 августа 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович, получила Ваше письмо от 12-го. Я очень рада, что Вы немного «освежились» в Бретани, кот<орую> я тоже очень-очень люблю! Главное, не уставать! Вы, конечно, уже показались Вашему врачу или его заместителю.

18-го улетаем в Швейцарию; прилагаю конверт с моим адресом.

Что же касается бунинского дома (вернее, 2-х домов), то сведения Б<ориса> К<онстантиновича> Зайцева, исходящие от Сионского², неправильны. Получила письмо от Дубовикова, главного редактора <<>Лит<ературного> Нас<ледства>³ — он подтвердил, что войдет всё. Материал, по-видимому, огромный. Из Швейц<арии> напишу отн<осительно> «Посева». Вы должны это хорошо и основательно обсудить.

Обнимаю Вас

Всегда Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 55. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом гран-плас в Брюсселе (Хлебный дом/Дом короля).

² Александр Алексеевич Сионский (1899–1976), общественный деятель.

³ Алексей Николаевич Дубовиков (1905–1984), советский литературовед; под его и С.А. Макашина редакцией в серии «Литературное наследство» увидел свет двухтомник «Иван Бунин» (М.: Наука, 1973. Т. 84), в котором приняла участие Прегель. В краткой вступительной статье «От редакции» имя Зурова называлось среди тех, кто оказывал редакции помощь «своими советами и указаниями, сообщением материалов и другими формами содействия» (Т. 84, ч. 1. С. 6).

59

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 1 сентября 1970 г.

19 <19>70

Дорогой Леонид Федорович,
спасибо за письмо от 26 авг<уста>. Теперь Вам нужно «отдыхать от отдыха», который, в общем, тоже утомляет.

В понедельник, 7-го, еду в Женеву на неделю, чтоб прийти в себя и перестроиться на «старые рельсы»... Жить буду у моей приятельницы напротив парка «Perle du Lac». 14 сентября — вечером — должна быть в Париже!

В «La Lignière» сейчас находится А.И. Мазе¹, с кот<орым> иногда встречаюсь в парке. Территория «La Lignière» обширнейшая. Меня огорчило то, что Б<орис> К<онстантинович Зайцев> начал сдавать. Увы, это неизбежно...

Что же касается американских «литературоведов», это «смех и грех», как говорила няня. А писания Вейдле² (и его выступления) нагоняют на меня не только сон, но и тяжелую, нудную тоску. Руки опускаются.

Боюсь, что Берберова *ответит* на статью Гуля³, и всё это будет на очень низком уровне...

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович, и желаю Вам всего, всего хорошего и светлого.

Ваша С. Прегель

Прилагаю на всякий случай конверт с моим женевским адресом.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 56–56 об. Автограф.

¹ Александр Иеронимович Мазе (1893–1987), инженер, масон.

² Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979), литературовед, культуролог, историк культуры, поэт.

³ На выход книги Н.Н. Берберовой «The Italics Are Mine» (Transl. by Philippe Radley. N. Y., 1969) Р.Б. Гуль отреагировал острой критической рецензией в «Новом журнале», редактором которого являлся (1970. № 99. С. 282–291). На ряд замечаний Гуля Берберова позднее ответила в предисловии к русскому изданию своих мемуаров (см.: [Берберова 1972], опустив их во втором, нью-йоркском, издании 1983 г. (о некоторых перипетиях подготовки ею этого предисловия-ответа критике см.: [Ронен 2001])).

60

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 17 июля 1971 г.

17.7 <19>71

Дорогой Леонид Федорович,

Я здесь наслаждаюсь морем и солнцем! Погода замечательная. Надеюсь, она продержится до нашего отъезда. А остаемся мы здесь еще недели четыре (приблизительно). Затем поедем на неск<олько> дней в Брюссель, а оттуда в Нормандию... Конечно, если не будет никаких «сюрпризов»...

Разленилась до неприличия и даже сидеть не могу: глаза слипаются. Всё это следствие накопившейся усталости...

Хотела бы знать, что у Вас? Когда едете в Бретань?.. Прилагаю конверт с моим адресом и жду известий, хотя бы самых коротких —

Обнимаю Вас

Ваша С. Прегель>

Sophie Ravnicki
Grand Hôtel des Thermes
Ostende, Belgique

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 59–59 об. Автограф.

61

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 30 июля 1971 г.

30.7 <19>71

Дорогой Леонид Федорович,

спасибо за письмо от 26-го. Судя по газетам, в Париже опять невыносимо жарко, и я надеюсь, что в начале августа Вы, наконец, поедете в Бретань...

Здесь, несмотря на жару, очень приятно, а по вечерам даже топят. Климат приблизительно такой, как в Бретани!

Вижу, что Н.П. Смирнов опять появился на горизонте. До этого он долго не отвечал своим постоянным корреспондентам —

О Газданове мне не пишут. Зато только что его взяли домой. Ничего хорошего в этом нет¹.

Меня пугает слабость Бориса Константиновича <Зайцева>. Что это? Не начало ли конца...²

Остаемся здесь до 12 августа, а затем до 18-го будем в Hôtel Métropol в Брюсселе — Своего адреса в Нормандии я еще не знаю.

Всего, всего доброго, дорогой Леонид Федорович! Главное, следите за своим здоровьем! Обнимаю Вас.

Всегда Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 60–61. Автограф.

¹ Г.И. Газданов умер от рака легких в Мюнхене 5 декабря 1971 г.

² Б.К. Зайцева не стало 28 января 1972 г.

62¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Сювилль, 25 августа 1971 г.

Sophie Ravnicki
Hague — Dick Hôtel
50, Sionville
25.8 <19>71

Дорогой Леонид Федорович,

только два слова, чтоб сказать, что Ваше письмо от 11-го я *получила вчера* вечером... Его переслали в Нормандию, где я лечусь и отдыхаю. Страшно рада, что Вы, наконец, выбрались из города (к сожалению, ненадолго...). Надеюсь, Вам удастся использовать свое пребывание в Бретани. Я немного устала от лечения и от передвижений — В Париже должна быть *в самом начале сентября*. Как только приеду, позвоню! А пока обнимаю Вас. Bonne chance!²

Ваша С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 62. Автограф.

¹ Написано на почтовой открытке.

² В добрый час! Желаю успеха! (*фр.*).

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ РАССКАЗ ЛЕОНИДА ЗУРОВА
«ДАГМАРСКИЙ ЛЕС»

В «Новоселье» рассказ Зурова «Дагмарский лес» напечатан не был, как и вообще остался не опубликованным; хранится в коллекции писателя в LRA. MS. 1068/24.

Печатается по машинописному автографу, испещренному авторской правкой и не дающему в некоторых случаях однозначного представления об окончательном варианте, выбор которого сделан публикаторами. По всему видно, что рассказ нуждается в серьезной литературной доработке (это и стало, вероятно, фактической причиной, почему Прегель не поместила его в своем журнале, хотя ее первая реакция на него была сугубо положительная, см. письмо № 16, от 2 октября 1946 г.). Вместе с тем, как думается, он представляет определенный интерес для изучения творчества Зурова, что делает оправданной данную публикацию. Как и многие другие зуровские тексты, рассказ опирается на личный опыт автора, который в Первую мировую войну находился в Северо-Западной армии.

Текст приведен в соответствие с современными грамматическими нормами.

— Видите ли, — начал он, — сказал офицерам сидевший у окна вагона широколицый, с круглой, по-солдатски остриженной головой капитан, — всё это случилось уже во время общего полумирного сожительства и братанья. А надо сказать, что стояли мы тогда по Двине, и немцы, видя наше настроение, и вот, как вы говорите, зная отлично наши достоинства и недостатки, как и то, что уже открыто и повсеместно происходит у нас, правильно всё учли, и там, на Двине, братанье ими было поставлено широко с участием, думаю, не только командиров отдельных частей, но и штабов: там всем пользовались, как я теперь понимаю, — за нами подсматривали и нас тщательно изучали, прикидывая — далеко ли у нас эта болезнь зашла, а в то же время и обнимались, и водку, которую специально подвозили, меняли, и в этом была для них не только военная выгода и передышка — возможность снятия с наших замиренных участков частей и переброска их на другие фронты, а и профит — тут тебе и полотняные рубахи, и хлеб, и казенное мыло. Ну и наши, надо сказать, были тоже уже хороши. <зачеркнуто: У нас на фронте какое было братанье; правка нрзб.>. Из Риги <зачеркнуто: например; правка нрзб.> некоторые по праздникам ездили к немцам в тыл, там проводили ночь, а к утру через сторожевое охранение возвращались. Ну, понятно, там, где уже по-настоящему забратались, пулеметы, на всякий случай, приведены были в негодность, а Двина не препятствовала — на лодках переплывали ее — пехота не желала больше по немцам стрелять и открытия артиллерийского огня тоже не

допускала. Знакомая картина, — закуривая, сказал он. — Да, господа, вот когда я наслушался, как наш брат, упрашивая солдат, унижался, а они уже не доверяли больше ни комитетам, ни нам. И клянусь вам, <далее пропуск в тексте>.

— Ах вот как, — посмотрев на артиллериста, сказал капитан, — ну, тогда, быть может, вы знаете и нашу стоянку: — видите ли, — пояснил окружающим он, — там позиции сходились так близко, что до свободы мы в германские окопы бросали ручные гранаты. Такое близкое расстояние. Да, господа, по своей опасности Дагмарский лес считался знаменитым участком. Мы и до революции знали, что немцы под наши линии подкопы вели. Ну, конечно, против них вели подкопы и мы, пока не стало свободы. Теперь-то, конечно, всё это точно известно, но тогда никто и в догадку не брал, что в то время, как наши братались, немцы против нас по лесам сосредоточивали свои батареи.

— Об этом я слышал, — сказал артиллерийский поручик, — там ведь местность на берегу Двины покрыта лесами

— Совершенно справедливо, — ответил ему капитан, — сделано всё было обдуманно и хитро. И, конечно, надо отметить, что на нашей стороне рощицы небольшие, а на той лес темный, густой. Им, видите ли, очень удобно. А надо сказать, я тогда временно командовал батальоном. Пришли мы после отдыха на дагмарский участок лесной, и я знал, что мы неделю должны простоять, а тут такая история — на второй день вызывают меня к телефону из штаба полка. «Николай Васильевич, — говорят, — сегодня ведь свадьба». А у нас код был такой. «Слушаюсь», — отвечаю, а сам думаю: что за притча — ведь это значит, к вечеру на смену нам первый Кавказский придет. «Слушаюсь», — повторяю и думаю: странно. Стемнело. Является на позиции Кавказский стрелковый. Стали мы спрашивать: почему такая спешная смена? Не знают. Ну, стали они на наше теплое место, а мы отошли верст на двенадцать в дивизионный резерв. Тихо кругом. Все довольны. Целую неделю предстояло нам еще отдохнуть. А в резерве у нас хорошие землянки, большие. «Ну, — говорим, — завтра отправимся погулять в Якобштадт». А тут еще прислали вечером на пополнение молодых прапоров, и на утро сговорились мы с ними ехать на питательный пункт имени Пуришкевича, а там любовь была, знакомые сестры. И ко мне в батальон прислали нового офицера. Он явился поздно, в роту я его не отправил, а оставил ночевать у себя. Выпили мы с ним, закусили, спал я в ту ночь здорово, и снился мне рай.

— Так-с, — продолжал капитан, — а утром, на зорьке, проснулся я от разрывов снарядов. Приподнялся, — только и слышно, как вдаль перекатывается глухая сильная канонада, но такая, что и у нас земля начинает дрожать. Я только было подумал — да ведь это не артиллерийская подготовка, как вдруг страшный гул, дверь настезь, — с невероятным треском в землянку падает дверь, и мне сразу стало понятно, что немцы взорвали Дагмарский лес, подкоп, который они вели целое лето. Вижу, вскочив с постели, стоит мой прапорщик совсем почти голый и дрожит весь от страха, а вестовой на карачках, в белье, ползет по землянке. «Филиппов, сукин сын, — кричу на него, — встать! Стыдно, — кричу, — одеваться!» Кое-как натянул я всё на себя и выскочил вон из землянки. А тут светает, стрельба, заварившись, повсюду идет, сгоняют нас немцы с укрепленного места. Только

и слышен вдали отдаленный гром, слышен рокот глухой, батарей ли наших, немецких, кто знает. Ну, думаю, сейчас отступить будут обозы и по шоссе тяжелая артиллерия начнет крыть. Так и есть — уже вещи везут, рассыпают, беспрерывно артиллерия гудит, и немцы к нам огонь переносят.

— Ну, а полк? — спросил Лосев.

— Полк, — посмотрев на него, сказал он. — Там всё — деревья, людей и кусты на воздух подняло, — весь полк разом лег, а когда он полег, немцы перешли в наступление. От первого Кавказского кашевары лишь уцелели, и то лишь потому, что в четырех верстах с кухней были.

Так бегу я к батальону, — а уж и наш резерв под страшным обстрелом. В лощине, где землянки и штаб, черная земля летит вверх. Шоссе для отступления — стратегическое наше шоссе — в дыму и пыли. Связь нарушена. Провода перебиты. «Где ординарцы? — кричит нам полковник. — Немедленно установить связь со штабом дивизии, доставить туда этот пакет!» «Слушаюсь, — отвечает начальник команды и бежит к людям, и я вижу — ординарцы дрожат: он посылает, а тот ехать не хочет. Ну что же, сам поскакал, и два унтер-офицера за ним вслед пустились. Полным карьером помчались, а вся дорога вздымается, и я видел, как снарядом убило одного, кинуло в сторону. А уже рассвело. Я оглянулся на Дагмарский лес, а там стрельбы уже нет. Видно, там всё уже немцы заняли, и пехотное наступление их по фронту идет. А тут фельдфебель кричит: «Господин капитан, бьют с газами». «Маски! — кричу я солдатам. — Маски!», и обидно до слез — маску, которую, подлец, здесь был должен носить, — показал он на бок, — он выбросил как ненужный хлам при свободе. Чего с нею валандаться! Сухие дрова, на случай газовой атаки, были приготовлены для костров, — всё пожжено на кипячение чая.

Солдатский разговор поблизости стих.

— Ну, чего там, — махнув рукой, продолжал капитан, — газ стал в лощину спускаться, а эта публика по землянкам начала прятаться.

Шинель ему мешала, он ее растянул.

— Помню, — при общей тишине продолжал он, — как дрались в тот день ударные части. Я видел, как подполковник Воробьев нарочно на смерть пошел. А тут ординарец прискакал из штаба дивизии, — приказано было полку выйти к дороге и сдерживать наступление до тех пор, пока раненые и обозы не перейдут по железнодорожному мосту через Двину. Командир выстроил полк, священник наскоро отслужил походный молебен, и вижу я — крестятся из трусости самые безбожные, вижу, крестятся, — а уже — та-та-та — немецкие пулеметы это отовсюду стрекочат. Только тронулись, нет-нет, пуля — тьюю, — ай, — упал, лежит мертвый. А повсюду, как глазом окинуть, отступление наших идет. Отходят кучами и врассыпную, бросают патроны, мешки. «Что, — кричу я своим, — побратались! — а сам чуть не плачу. — Что, ребята, поняли, — вот они ваши дружки!» И вижу я — части соседнего батальона, дрогнув, начали отходить и, смешавшись, побежали стадами. «Куда, — кричат офицеры, — стой, братцы, стой!» Полковой комиссар с красной повязкой попытался было их задержать. Выскочил напротив, набросился на кого-то, но его тут же выстрелом из винтовки убили. «А, собака, ты сдохни здесь! Товарищи, не слушайся, отходи!» Так! А у нас под ногами лес-

ное болото. Пули свищут, а в воду ложиться нельзя. Вижу вдаль по шоссе идут штурмовые немецкие части и ракеты бросают для того, чтобы знак своим дать, и их автоматы — та-та. А тут, по дороге, всё, смешавшись, рвет к переправе. Санитарные мчатся повозки. Скачет по шоссе артиллерия. Солдаты бегут. А на берегу толчея, и те, что туда добрались, увидев мост, не глядя ни на кого, через него драпанули. Посмотрел я направо-налево — из нашего полка никого уже нет, а немецкие аэропланы корректируют стрельбу батарей, — вижу, бросили ракету, чтобы артиллерия перенесла свой огонь к переправе. «Братцы, — кричу я своим, — не бежать! Если останется кто в живых — это мы! Бей залпами, отходи тихо!» Стали мы, рассыпавшись, отступать, и я вижу — от моего батальона осталось всего шестьдесят человек: связи нет, вся толпа хлынула к переправе. «Стой, — только и говорю я своим, — братцы, отбой!» А немцы в это время весь свой огонь бросили к переправе.

— Ах, как подумаешь, что породила эта свободушка, — сказал лысый поручик.

— Да, ответил ему капитан, — когда пятнадцать батарей сосредоточили по переправе огонь, я видел, как десятки людей с страшными криками и стонами падали в воду. Боже, что делалось там! — качая головой, сказал он. — Мост железный, сквозной, на нем кухни, лошади, пушки — и внезапно перенесенный, брошенный в эту кашу, обрушившийся с неба ураганный огонь. Мост в четверть километра, и вижу, под огнем, слепо проламываясь через застрявший обоз, бежит эта орда, проваливаясь в дыры, сталкивая в воду друг друга. Сыпятся в Двину, — а тут и моя солдатня поняла, и у них, окаянных, как просветление. «В цепь, — кричу я своим, — не подпускать немцев до моста, кучей наложим, до вечера не полезут!»

— Ну, — спросил Лосев, у которого пылало лицо.

— Рассыпались, стали сдерживать, чтобы не дать им возможности по шоссе двигаться дальше, а когда они начали перебегать, то открыли изо всех пулеметов страшный огонь. Слава Богу, пулеметчики были с нами. Ну, отдал я распоряжение держаться до сумерек, чтобы спокойно потом отойти.

— А немцы?

— Да они несколько раз пытались было подняться. Ну, видят, опять не боятся их, — крепкая часть.

Он закурил. Офицеры молчали. Поезд катился русской равниной, в вагоне шумели солдатские голоса.

— Ну, когда стал (sic) вечером, — продолжал капитан, — вижу, дождались. Пришел приказ — отходить. По одному начали мы тихо сниматься, перебегать к переправе. Там, на берегу, оставшимся со мной я сказал: вот смотрите, ребята, что значит отсутствие дисциплины. «Господин капитан, — отвечает мне один, — с вами старые солдаты, оставшиеся в полку». «Знаете, братцы, — говорю я, — а вот теперь покажем, как мы, оставшиеся верными порядку, перейдем мост, и какие у нас будут потери». Стали мы отходить в цепочках по правой и левой стороне. «Только смотри, — говорю, — в дыры не попади». И, Господи, мы видели ужас! Дыры эти самые, в которые падали люди, повсюду, убитые в ужасном положении висят, за перекореженное железо зацепившись, а там не так глубока уж Двина.

Глянул я вниз, и холодно стало — в воде артиллерийские повозки, кухни и пушки, а на мосту всё завалено, кровью залито, — страшен не огонь немцев, а количество дыр, и — всё перековеркано и перебито. Смотришь — то голова застряла меж перекладин какого-то Вани, то ноги торчат, — скользко, мозг, тело и кровь по дороге.

— Да, — покачав головой, сказал Лосев.

— Ну, перешли мы, перебежали на другой берег, а уже торопят саперы, понтонные офицеры: скорей отходите, скорей, будем взрывать; просят — в сторону отбегайте быстрее. Мы залегли, а они дали взрыв. Смотрим на мост. Сначала на секунду он встал, приподнялся, а потом с телами и кровью рухнул в Двину.

— Какой это мост? — угрюмо спросил из коридора прислушивавшийся к офицерскому рассказу солдат.

— Якобштадского укрепленного района, — ответил ему капитан, там были сто восемьдесят четвертый пехотный корпус и двадцать восьмой армейский.

— Что верно, то верно, — сказал в коридоре пожилой рыжебородый солдат.

— Ужас, ужас! — откликнулась тут сестра милосердия.

— Да, всё это так, господа, — сказал капитан. — Но в эту ночь я видел опять настоящих солдат. Есть нечего, — обведя всех взором, продолжал он, — хозяйственная часть драпанула без оглядки, хутора эти латышские повсюду пусты, мужики по лесам разбежались. Удалось моим ребятам поймать где-то борова, найти хлеба, приволокли банный котел, разложили костер, наварили доброй похлебки. Ночь <1 нрзб.>, как попало. Пригласили меня на трапезу из общего котла, сели вокруг. А у меня ни ложки, ни черта, — взволнованным и как будто радостно-удивленным голосом сказал он, — вестовой пропал, солдаты меня пригласили, ложку дали, сел у котла. Тогда один говорит: ваше благородие, узнаете старых солдат верных <?> Луна взошла, Рождество Богородицы. Вот, думаю, вот когда опять семья-то единая.

Офицеры молчали.

— Глаз не сводили. Ложку Боровиков вытянул из-за голенища, вытер краем гимнастерки, мне подал, — улыбаясь, с блеснувшими глазами, сказал он, и Лосев почувствовал — сердце сжалось, в груди стало больно.

— Вспоминали, как воевали, — продолжал капитан, — луна, утро, заря, — а так всю ночь и не спали, словно развязало вот что-то, словно вот и не было ничего, а всегда вот так-то говорили, делились хлебом и жили. «Ваше благородие, — Боровиков говорит, — не беспокойтесь, я старый солдат». И разговор — как было в Пруссии Восточной — всё опять хорошо, ладно, честно, по-братски.

— А утром, — сказал потом медленно он, — пришла связь из штаба полка, — и нам приказано было отступить в резерв верст на двадцать. Нас сменила кавалерийская какая-то часть. Да. Там, в резерве, все собрались, подсчитались. Итого — сорок процентов бежало за два дня из полка. Куда? Да по шоссе в Россию, на Москву шла дорожка.